

A woman with blonde braids, wearing a red cape and ornate armor, stands in a forest. She holds a long spear with a sharp metal tip, pointing it towards a large brown bear. The bear is roaring with its mouth wide open, showing its teeth. The background is a misty forest with tall trees.

СЕРГЕЙ АРЬКОВ

**ПЕРВЕНЦЫ
БОГОВ**

Сергей Арьков
Первенцы богов

«Автор»

2026

Арьков С. А.

Первенцы богов / С. А. Арьков — «Автор», 2026

В возрожденном, кишасщем монстрами, изначальном мире два отважных героя идут тропой доблести. Один из них Цент, овеянный славой и благородством страж Ирия, бывший рэкетир и князь в отставке. Второй Владик, боевой программист, особой стати богатырь. Два последних представителя рода людского в неравной битве с целым сонмищем чудовищ. Чудовищам не позавидуешь.

© Арьков С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	45
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сергей Арьков

Первенцы богов

Глава 1

Окружающий лес выглядел не слишком дружелюбно. Темный, безмолвный, будто полностью лишенный жизни, он производил впечатление лабиринта, в недрах которого притаился злой и голодный монстр плотоядной ориентации. Огромные сосны вставали до самого неба, умудряясь цепляться корнями даже за края отвесных скал. На участках, где снег слегка подтаял под лучами солнца, проступала серо-зеленая трава. В богатом обилии произрастал кустарник, притом, в основном, колючий и недружелюбный. Некоторые из кустов были густо усыпаны мелкой бледно-красной ягодой, и хотя в утробе у Цента давно уже царил вселенская пустота, он не торопился с головой бросаться в омут гастрономических экспериментов. Логика подсказывала, что будь эти ягоды съедобны, или хотя бы не ядовиты насмерть, кто-нибудь, человек или зверь, уже заявили бы на них свои права. К тому же в памяти еще были живы предостережения, слышанные в далеком детстве, относительно недопустимости поедания всего, что растет на деревьях и кустарниках, поскольку подобное поведение может повлечь за собой ряд весьма неприятных последствий.

Как показала жизнь, это был тот редкий случай, когда взрослые не соврали. Маленький Цент не прислушался к их предостережениям и однажды вдоволь полакомился зелеными абрикосами. Уже в нежном возрасте в нем пробудилась могучая тяга к накоплению капитала, потому и сожрал чуть не свой вес, очистив от неспелых плодов целое дерево. После чего провел немало часов в уединенных размышлениях о сути и смысле бытия. Родители почти собрались сводить ребенка в больницу, но потом решили не пороть горячку, и посмотреть, не рассосется ли оно само. Рассосалось. Три дня и три ночи Цент бдительно нес туалетную вахту, чуть всего себя там не оставил без остатка, но выкарабкался. Зато абрикосов больше не ел никогда и никаких, ни зеленых, ни спелых, ни забесплатно, ни по скидке.

Но в настоящий момент он готов был поступиться принципами и умять целое ведро этих коварных фруктов. На душе у Цента было тяжело, а в желудке легче легкого. А хотелось бы наоборот.

Целый день он сусанил по лесу, пытаясь отыскать хоть какие-то признаки присутствия человека, и не нашел ни одного. Дикие дебри выглядели так, будто в них никогда не ступала нога разумного существа. Мало того, Цента крайне напрягала царящая в лесу гробовая тишина. Не щебетали птицы, не мелькали среди деревьев тела лесных обитателей. Дятел, и тот не бился головой о ствол.

Стремясь добыть хоть какого-то прокорма, Цент со скрипом припомнил свои скудные познания о грибах. Знал он о них крайне мало. Фактически то, что грибы делятся на два типа: галлюциногенные и какие-то другие. К первой категории относился такой гриб как мухомор, единственный, каковой Цент мог опознать без вариантов. Еще Цент знал маслята. Ну, то есть, как – знал. Он ими маринованными несколько раз закусывал огненную воду. Еще, вроде бы, был такой гриб, как бледная поганка, хотя Цент всегда думал, что это второе имя его бывшей сожительницы Анфисы.

Так или иначе, но нужно было чем-то питаться. Идя по лесу, Цент ворошил палкой кучки листы, в надежде обнаружить под ними россыпь грибов, а лучше мангал с шашлыком, но не находил ничего. Кустов с ягодами было много, они словно нарочно манили полакомиться собой, но Цент всякий раз останавливался перед соблазном, опасаясь пищевого отравления.

В его ситуации это было бы некстати – окружающий лес имел хвойный характер, и почти не содержал деревьев с большими прочными листьями.

После полудня озверевший от голода странник попытался жевать листья кустарника, и был неприятно поражен их отвратительным вкусом. Затем подобрал большую шишку, коих валялось под ногами великое множество, и расковырял ее в поисках орехов. Шишка оказалась неправильной, никаких орехов она в себе не содержала.

– Да неужели же во всем этом чертовому лесу нет ничего съедобного для конкретного пацана? – в отчаянии закричал Цент, и в гробовой тишине его голос прозвучал, как раскат грома, а эхо еще долго таскало полные возмущения слова между вековых сосен.

Во второй половине дня были обнаружены чьи-то останки. Визуально изучив кости, Цент пришел к заключению, что те принадлежали либо оленю, либо лосю. Либо корове-мутанту с большими ветвистыми рогами. Скелет выглядел так, будто по нему три раза проехал бульдозер. Все кости были переломаны вдребезги, череп какая-то неведомая сила раздробила на десяток фрагментов. Гадать о причинах смерти скотины Цент не стал, но его обрадовал уже тот факт, что зверье здесь все-таки водилось. Шишки, грибы и ягоды не могли насытить настоящего крутого мужчину. Для этих целей более всего подходило мясо. Готовый отдать полцарства за антрекот, Цент, при одной мысли о чужой плоти, истек голодной слюной. Он крепче сжал рукоять секиры, и дал себе слово, что убьет и сожрет первое же попавшееся ему на пути живое существо, окажись оно в перьях, в чешуе, в шерсти или в джинсах.

Усталость, помноженная на голод, брала свое. К вечеру, когда среди деревьев начали сгущаться сумерки, Цент едва волочил ноги. До его слуха уже давно доносился какой-то шум, и когда он продрался через непролазные заросли кустарника, то застал восхитительную картину: с высокой отвесной скалы низвергался настоящий водопад. Мощный поток обрушивался в небольшое озеро, что раскинулось в естественной каменной чаше, размером этак с теннисный корт. Из озера вода ручьями расплзалась по окрестностям.

С минуту полюбовавшись чудом природы, Цент подошел к берегу и изучил водоем. Все оказалось даже хуже, чем он предполагал. Каменная чаша просматривалась от края до края, и ничего живого и съедобного в ней не содержалось. Ладно уж рыба, хоть бы какие-нибудь моллюски.... Нет, ничего.

Очередной облом подорвал и без того скудные силы, и Цент уселся на берегу, вытянув гудящие от усталости ноги. Отдышавшись, он добрался до обжигающе холодной воды, напился, и смыл с лица грязь и пот. Глядя на свое отражение в глади водоема, Цент невольно поморщился. Ну и рожа! Увидел бы такую в темном переулке, остался бы седовласым заикой.

Сидеть на холодном камне было неудобно и опасно для здоровья. Цент поднялся на ноги и тоскливо огляделся окрест. Всюду, куда устремлялся его взор, простирался дикий край. Скалы, сосны, пятна снега тут и там. Цент обхватил руками свой могучий торс и зябко повел плечами. Днем, когда пер через лес, вывалив язык, было жарко, словно в бане с девками, но стоило постоять немного без движения, и холод тут же вцепился своей смертельной хваткой в его легко одетое тело. Морозец был небольшой, но неприятный. При такой температуре на травке не поваляешься, да и вообще долго не посидишь. Следовало бы развести костер, но спичек у Цента не было, а добывать огонь дедовскими методами он так и не выучился. Самое время было постигать науку прашуров, потому что идти неизвестно куда всю ночь не вариант – ноги уже не держали. Да и куда идти? Где он вообще? Куда его занесло?

Это был вопрос, которого Цент тщательным образом избегал с момента своего пробуждения. Очнулся он на ворохе сухой хвои, среди исполинских сосен, хотя точно помнил, что мгновение назад находился совсем в ином месте. Но что же, в конце концов, произошло? Темная богиня своим заклинанием зашвырнула его в таежные дебри? Или все гораздо хуже, и случилось то, о чем предостерегали его стражи Ирия?

Что случилось с заключенными в топор душами стражей, Цент не знал. Волшебная секира утратила все свои необычайные свойства. Она больше не полыхала синим пламенем, находясь в его руке, и сколько Цент ни взывал к обитавшим в ней духам, абонент все время оставался недоступен.

Подняв топор перед собой, Цент вновь попытал удачу:

– Добрыня? Ярополк? Хотя бы ты, Противный! Вы меня слышите? Ало? Цент на проводе!

И вновь тишина.

Раздосадованный Цент сунул топор за пояс, и окинул мрачным взглядом недружелюбные окрестности. Что бы с ним ни приключилось, где бы он ни оказался, а ясно одно – прежде всего, следует выжить, а все остальное приложится. Помощи, как всегда, ждать неоткуда, но Цент с рождения усвоил, что у него в этом мире только два союзника – правый кулак и левый кулак. Нужно приспосабливаться к суровым условиям обитания самостоятельно, иначе он тут долго не протянет.

Сидеть да гадать, что да как, Цент никогда не любил. Насиделся в свое время досыта. Твердо решив для себя бороться за выживание до последней капли крови, он взялся за дело. Насобирав сухих веточек, надрал с них коры, затем, вооружившись двумя кусками гранита, попытался высечь искру. Цент понятия не имел, можно ли таким образом добыть огонь, или это просто чья-то несмешная выдумка, но он запретил себе отчаиваться. Вместо этого он остервенело лупил камнем о камень, но если что и высекалось в процессе, так это отборный мат, сопровождающий каждую неудачную попытку.

Прошло минут тридцать. К тому времени солнце успело скатиться за вершины сосен, и мир погрузился в вечерний полумрак, долженствующий, как подсказывала логика, вскоре смениться непроглядной ночной тьмой. В вечернем воздухе, нарушая мертвую тишину загадочного леса, разносились звуки ритмичных ударов и сопровождающие их бранные комментарии. Цент был парнем упертым, и, если требовалось, мог взять измором любые жизненные обстоятельства. Но сейчас он начал догадываться, что в этот раз обстоятельства окажутся сильнее. Он уже раздробил в мелкий щебень три пары камней, а ни одной искорки так и не увидел. Закралось страшное подозрение, что данная методика добычи огня является лженаучной, и была высосана из пальца кабинетными учеными. А когда Цент, отупевший от бесполезного труда, угодил себе камнем по мизинцу, его гневный крик пронесся по лесу подобно урагану.

– Провались ты пропадом! – взревел добытчик огня, и с силой швырнул болезнетворный камень в отвесную стену скалы. Тот подленько срикошетил, и с феноменальной меткостью угодил метателю в лоб. У Цента из глаз полетели искры (наконец-то!), а изо рта грязные ругательства. Кляня все и вся, Цент вскочил на ноги, и стал дико озираться по сторонам, ища, на ком бы выместить накопившийся в душе заряд зла. Увы, поблизости не оказалось ничего живого, если не брать в расчет представителей местной флоры. Досталось и ей. Цент подбежал к ближайшему кусту и в ярости переломал у него половину веток. Однако акт садизма в отношении представителя растительного царства не принес желанного облегчения. Цент чувствовал, что его переполняет страстное желание сделать больно, притом не абы кому, а исключительно разумному существу. А еще лучше – целой группе разумных существ всех полов и возрастов. В общем, лишь широкомасштабный геноцид мог, в настоящий момент, вернуть Центу душевное равновесие.

Спустя десять минут Цент вновь шел по лесу в неопределенном направлении. К тому времени короткий зимний вечер успел окончательно смениться ночью, и все вокруг окутала зловещая тьма. Единственным ориентиром оставался ручей, один из тех, что брал свое начало в озере под водопадом. Цент решил идти вдоль него, надеясь, что поток выведет его к большой реке. Логика подсказывала, что именно на берегу крупной реки и следует искать людские поселения. Цент запретил себе думать о том, что люди в этих краях могут не водиться вовсе,

да и ручей не факт что впадает в реку. Кроме этого ручейка и этой надежды у него ничего не осталось.

В какой-то момент, поддавшись порыву отчаяния, Цент решил на рискованный шаг. Он сложил ладони рупором, и, задействовав всю мощь своей луженой глотки, воззвал к людям. Крик его громом раскатился по лесу и растворился в гуще деревьев. Ответом послужила гробовая тишина. В ночную пору эти дикие дебри были столь же безжизненны, как и при свете дня.

Ручей, петляя, прокладывал себе тернистый путь по каменистому бездорожью. Центу приходилось ориентироваться только на звук, поскольку видимость была практически нулевой. В ночном небе над его головой зажглись звездочки, штук, примерно, пять с половиной, но света от них было столько же, сколько от перегоревшей лампочки.

Движение в кромешной тьме – штука опасная. Цент с первых же шагов познал это на собственной шкуре. Как оступился на скользкой траве, как грянулся ягодицами оземь, едва мозги наружу через уши не вынесло. Дальше пошел медленнее, без горячки, прощупывая путь и стараясь избегать коварных ловушек в виде камней, пней, ветвей и прочих сюрпризов повышенной приятности.

Гробовая тишина окружающего мира пудовой гирей давила на психику. Пожалуй, прозвучи сейчас где-нибудь поблизости волчий вой, Цент обрадовался бы и ему. Волки, конечно, зверьки неприятные, могут даже скушать, но полное отсутствие всякой жизни и даже ее косвенных признаков пугало куда больше, нежели явная угроза нападения голодного хищника. Днем еще было туда-сюда, но теперь, во тьме ночной, Цент почувствовал, как страх запускает липкие щупальца в его отважную душу. Пока щупальца лезли в душу, в голову влез вопрос, должный бы оказаться там еще утром – а, собственно, почему в этом лесу нет зверья? До сего момента Цент воспринимал отсутствие активных форм жизни просто как данность, не пытаясь доискиваться причин одного феномена, но тут вдруг стало любопытно. Было ясно – из хорошего места ни зверь, ни человек не убежит. То есть, это зверь волен бежать куда хочет, а человеку жить положено там, где прописан, даже если дом аварийный, соседи алкаши и наркоманы, а из всех окон вид исключительно на помойку.

У Цента родилась версия, объясняющая аномальное отсутствие живности в данном регионе. Быть может, в здешних лесах обитало нечто. Нечто такое, от чего сбежали не только крупные звери, но даже всякая пузатая мелочь, вроде ежей, дятлов и белок.

Объяснение было столь же логичным, сколь и пугающим. Это что же должно быть за чудище, раз оно сумело ввергнуть в эпический ужас все здешнее зверье? Подобное не под силу ни медведю, ни тигру. Здесь требуется что-то запредельно ужасное, какой-то лютый монстр, повергающий в трепет одним своим видом. Пробежавшись по списку подозреваемых, Цент пришел к выводу, что в здешних краях орудует снежный человек.

Не утратить волшебная секира своих сверхъестественных свойств, Цент чувствовал бы себя более уверенно. Но теперь она превратилась в просто топор. Хороший топор, острый и удобный, но окажется ли данный аргумент достаточно веским при столкновении с голодным и злым реликтовым гоминидом?

– Сейчас бы ствол, – возмечтал Цент вполголоса. – И парочку гранат.

Прикинув телесные габариты гоминида, добавил:

– Противотанковых.

Но если монстр и водился в этих краях, текущей ночью он на промысел не вышел. Цент брел вдоль ручья до самого утра, а когда над вершинами деревьев забрезжил рассвет, уронил зад на камень, и понял, что больше никакая сила не скovyрнет его с этого места. Ног не чувствовал, спина выла от боли на все пояснично-позвоночные лады. Измученный вынужденной бессонницей и затянувшимся разгрузочным днем организм лишился последних сил.

Матерясь сквозь зубы, Цент стащил с ног ботинки, дабы горящие огнем ступни немного подышали свежим воздухом. От нижних конечностей исходил злой дух, а пропитавшиеся потом носки валили наповал могучим амбре. Цент отшвырнул их подальше, дабы ненароком не нанюхаться до погибели, а сам, склонившись над ручьем, утолил жажду.

Вода была ледяная, аж зубы заломило. Камень, на котором он изволил восседать, тоже не имел функции подогрева. Через минуту Цент почувствовал, что его ягодицы вот-вот станут частью вечной мерзлоты, и поспешил подняться на ноги. Те едва не подломились. Цент грязно и от всей души выругался.

Ситуация вырисовывалась кошмарная. Он один в незнакомом лесу. Еды нет. Спичек нет. Пива нет. Холодно. Сидеть нельзя, лежать и подавно, а стоять уже ноги не держат. У Цента с хрустом сжались кулаки. Эх, сейчас бы найти того, кто во всем этом виноват, да как дать ему по роже!

Изо всех сил стараясь не поддаваться отчаянию, Цент вновь набрал сухой коры, отыскал камни по руке, и приступил к добыче огня. Без шашлыка и пива он еще сколько-то протянет, но без огня следующей ночи ему не пережить. Значит, добыть его следовало любой ценой.

Спустя час злой как черт Цент снова брел вниз по течению ручья, что проторил себе дорогу через лесные заросли. Шестидесят напрасных минут он остервенело колотил камнем о камень, отбил мизинец, изобрел три новых ругательства, но так и не увидел ни одной искорки. Очень бы хотелось знать Центу, какой негодяй придумал это грязное вранье про камни – ох и долго бы он мучился перед страшной смертью, выдумщик хренов.

К полудню путеводный ручеек привел его к очередному озерцу. Этот водоем оказался таким же бесперспективным, как и его предшественник – каменистое дно прекрасно просматривалось сквозь кристально чистую воду, и ничего живого и съедобного в себе не содержало.

Цент прошелся вдоль берега, уже не надеясь на добрую кормежку, но ища хоть какой-то источник протеина. И, о, чудо, его зоркий глаз уловил в невысокой серой траве какой-то движение. Миг, и Цент, как тигр из засады, бросился на жертву. Добыча оказалась с характером. Кузнечик, хоть и контуженный заморозками, не пожелал так легко расставаться с жизнью, а в том, что огромный двуногий монстр пытается изловить его именно с целью дальнейшего умерщвления, сомневаться не приходилось – Цент своих кровожадных планов на насекомое и не скрывал. В его угрозах порвать, растерзать и об колени поломать, невозможно было слышать ни малейшего намека на возможность помилования.

Бюджетное сафари продлилось недолго и увенчалось триумфальным успехом венца творения. Кузнечик был схвачен, крепко зажат в кулаке, затем он выслушал в свой адрес несколько теплых слов, а после этого огромная пасть двуногого монстра разверзлась, и несчастная букашка увидела два ряда колоссальных желтых зубов, один из которых был пломбирован, а два отсутствовали.

Добытый зверь оказался не той комплекции, чтобы заморить разросшегося до размеров дракона червячка. Козявка прощально хрустнула на зубах, Цент облизнулся, прислушиваясь к ощущениям. Вроде бы что-то съел, но чувство голода не уменьшилось ни на йоту. Вот был бы этот кузнечик размером с собаку....

Желая выяснить, не прыгают ли где поблизости друзья или родственники пожарного малыша, Цент поднял взгляд, и обмер. Прямо перед ним, глубоко вмяв траву в топкую землю, отпечатался след чьей-то ноги. Цент не являлся следопытом, но даже ему сразу же стало ясно – здесь прошло что-то очень большое и необычное. След внешне напоминал отпечаток человеческой ступни, с той лишь разницей, что был непропорционально широк, и имел всего три пальца, вмятины от которых хорошо просматривались во вдавленном грунте. Но куда больше Цента потряс размер следа. В длину он был добрый метр, не меньше.

Дальнейшее изучение берега преподнесло ряд новых открытий. Цент обнаружил еще следы, оставленные, очевидно, тем же существом. Самый четкий из них красовался на песке у

самой кромки воды. Изучив его, Цент убедился в том, что у гиганта действительно три пальца. По всей видимости, нечто, наследившее здесь, приходило на водопой.

До обнаружения следов Центу страстно хотелось найти хоть что-нибудь живое, убить на месте и сожрать. Но теперь им овладели сомнения. Кто бы ни прошел здесь, это было нечто огромное и вряд ли дружелюбное. Сравнив след с отпечатком собственной ноги, Цент попытался прикинуть рост гиганта. Получилось метра четыре, а то и больше.

Все сходилось одно к одному – в здешних лесах люто орудовал гигантский снежный человек.

– Этот здоровый, наверное, все зверье и распугал, – догадался Цент.

И он прекрасно понимал зверушек, разбежавшихся прочь от гигантского монстра. Сам пока что видел только его следы, а уже захотелось дать деру.

К своему немалому облегчению Цент вскоре установил, что гигант не прилетел к озеру по воздуху, а пришел на своих двоих – гигантский летающий снежный человек был бы откровенным перебором. Цепочка огромных следов уводила в лес, но и среди деревьев, на палой листве, хорошо просматривались отпечатки подошв двести сорок восьмого растоптанного размера. В иной ситуации Цент давно бы припустил в противоположную сторону, но только не теперь. Гигантское нечто внушало страх, но альтернатива была куда безрадостнее – бессмысленное блуждание по безжизненному лесу, пока силы не оставят его окончательно. А случится это скоро, особенно, если в качестве питания потреблять одного хилого кузнечика в три дня экстремального туризма.

Терять, в сущности, было нечего, и Цент пошел по следу гиганта. Тот пер через лес, как танк, снося попадавшие на пути деревья и стаптывая хилые кустики. На стволе одного из поваленных древ Цент обнаружил клок бурой шерсти. Та была жесткая и прочная, будто проволока. Через двести метров следопыт был осчастливлен новой находкой – колоссальной кучей экскрементов. Созерцая воздвигнутый неизвестным автором Эверест, Цент пришел к выводу, что сильно приуменьшил размеры великана. Какие там четыре метра! Подобную возвышенность мог породить разве что динозавр особо ядреной породы.

– Экая куча! – с оттенком зависти констатировал Цент. – Со свежего воздуха такую не высидишь. Жрет, поди, что-то. Или кого-то. Но кого? Не травой же он питается, гоминид ужасный.

Пока Цент прикидывал, стоит ли испытывать судьбу и продолжать преследование снежного человека, или все же попытать счастье в ином, менее рискованном направлении, до его слуха донесся пронзительный визг. Автором визга вне всяких сомнений был человек. Так могла визжать маленькая девочка, но Цент безошибочно опознал этот голос. Опознав же, выхватил из-за пояса топор, и помчался через лес в ту сторону, откуда продолжали нестись пронзительные вопли, полные самого искреннего ужаса.

Глава 2

Скользя сквозь подлесок, Цент вскоре заметил впереди просвет. Он сбавил ход и низко пригнулся, а затем и вовсе опустил на четвереньки. Не в его солидном возрасте было ползать на карачках, но иногда тактическая обстановка вынуждала. Принятые меры предосторожности, впрочем, оказались вполне оправданы. Последние метры Цент преодолел ползком, и когда, раздвинув стебли высокой травы, увидел нечто потрясающее.

Он оказался на краю склона, который круто опускался вниз к нагромождению камней и горам валежника. В центре этого безобразия высился поросший кустарником холм, в боку которого зиял черный зев пещеры, размером похожий на въезд в тоннель метро. Вся местность вокруг холма имела вид лунного пейзажа. Не осталось ни травинки, ни кустика. Все было вытоптано подчистую. И Центу не пришлось долго гадать о том, кто же именно это сделал.

Топтун был здесь. С первого взгляда Цент опознал в нем автора обнаруженных прежде следов и архитектора исполинской кучи. Гигантский снежный человек предстал перед ним во всей красе. Но краса его была на очень редкого любителя.

В девяностые в бригаде Цента состоял один эпический браток, Коля Облом, детина страшных габаритов и непотребного роста. Воистину питекантроп. Когда эта образина шествовала по улице, народ кто к стенам жался, кто через проезжую часть на красный свет перебежал, иные падали на тротуар и притворялись мертвыми, в надежде на то, что Коля побрезгует падалью. И ладно бы только рост и ширина организма. Хуже всего было то, что Колина физиономия напоминала концентрированную выжимку из всех фильмов ужасов про чудовищ. Просто сущий кошмар, а не физиономия. Его фоторобот с надписью «разыскивается» даже милиция на стенах не расклеивала, потому что рожа больно страшная была, и люди пугались, глядя на эту картину. К тому же многие звонили и спрашивали, за что правоохранительные органы разыскивают снежного человека.

Так вот, в сравнении с чудищем из пещеры Коля Облом был писанным красавцем.

С ростом Цент угадал. Образина действительно возвышалась над землей метра на четыре. Нижние конечности у нее были короткими и кривыми, зато верхние лапы на обезьяний манер спускались почти до земли. Над грузным мохнатым телом высилась непропорционально маленькая голова с оттопыренными ушами и зверской рожей. Натянуть на гоминида малиновый пиджак и был бы вылитый Коля.

Своим кошмарным видом исполинская тварь внушала лютый ужас. Даже взгляд у бестии был откровенно неподъемный. Когда Цент случайно заглянул в глаза лохматому исполину, то почувствовал себя странно: вроде бы два дня маковой росинки во рту не имел (кузнечик не в счет), а живот прихватило как после хорошего застолья за чужой счет. Он даже пожалел, что в свое время не имел в бригаде такого братка. Сколько стрелок удалось бы провести без кровопролития и порчи имущества. Как вышел бы такой вот дядя, как пригвоздил бы конкурентов к земле взглядом страшным, и все, не надо и за стволы хвататься. Но мысль о том, чтобы попытаться набиться лохматому в друзья, Цент все-таки отверг. В банде такая боевая единица, может быть, и полезна, но сколько времени уйдет на дрессировку гоминида? Чтобы только простейшим командам обучить («К ноге!», «Апорт!», «Рви и круши!») года полтора потратишь. Проще слона завести – тот тоже большой, и может при необходимости врагов ногами потоптать или хоботом побить, зато в плане прокорма слон куда выгоднее, ибо травоядный. Мохнатый гигант же, по всему видно, убежденный мясоед, и растительную пищу не уважает.

Однако одним гоминидом открытия не исчерпывались. В нескольких шагах от снежного человека обнаружился второй участник разыгравшейся в лесу драмы, он же автор пронзительного несмолкаемого визга. Цент, конечно же, сразу узнал в этом горлопане доброго друга Вла-

дика, и, с удивлением для себя, испытал прилив радости. Вызвана она была не только тем фактом, что очкарика вот-вот собирались слопать заживо. Просто за двое суток Центу дико осточертело бродяжить по этим лесам в гордом одиночестве. Много раз ему хотелось отвести на ком-нибудь душу, а Владик, как никто иной, годился на роль громоотвода.

Оценив обстановку, Цент понял, что Владика придется спасать, поскольку сам он точно не собирался предпринимать для этого никаких мер. Как всегда, в случае опасности очкарик впал в глубокий ступор. Из всего организма у него работал только рот, продолжавший исторгать из себя пронзительный визг. А весь остальной Владик уже смирился с тем, что им вот-вот закусят, и не пытался даже убежать.

Другой бы сто лет думал, как поступить с гигантским людоедом, но Цент думать не любил и, что уж там скрывать, не умел. Зато умел действовать, не всегда правильно, зато всегда решительно.

Секунда ушла на то, чтобы определиться с направлением для удара. Неподалеку от себя он заметил большой камень довольно круглой формы. На ровной местности такой валун и пять Центов не сдвинули бы с места, но тот удачно повис на краю склона, да так, что только и оставалось слегка подтолкнуть его в нужном направлении. Если сильно повезет, камень надолго отшибет у мохнатого гоминида охоту жрать людей. Если нет, у великана будет обед из двух блюд, потому что от такой башни не сбежать, а спрятаться в лесу негде.

Незаметно добравшись до валуна, Цент, привстав, попытался прикинуть его возможную траекторию. Склон был неровным, его поверхность бугрили то камни, то кочки, то ямки. Валун тоже не являлся идеальным шаром. Одному богу было ведомо, куда он покатится, снявшись с насиженного места. Как бы еще программиста этим снарядом не зашибить, вот будет номер. Но выбора не оставалось. Промедли он еще немного, и Владик точно отправится на тот свет, будучи съеденным заживо.

Цент приготовился к упорному сопротивлению со стороны минерального субъекта, но едва он всей своей массой навалился на валун, тот удивительно легко выскочил из гнезда и весело покатился вниз, стремительно набирая скорость. Следом за ним катился и сам спаситель, крича благим матом на всю округу.

Камень несся по склону, как шар для боулинга, с той лишь разницей, что был больше и тяжелее раз в сто. Мохнатый монстр так и не донес лапу до лакомства, и, привлеченный шумом, повернул голову, дабы потешить любопытство. Сделал он это вовремя. Камень, набрав скорость, взмыл вверх на земляном трамплине, и со страшной силой врезался гиганту в лоб. По всему лесу разнесся такой грохот, будто второй раз упал тунгусский метеорит.

Цент к тому времени уже успел вскочить на ноги и несся вниз, вслед за камнем, готовясь добить чудовище своей секирой. Но контрольного удара не потребовалось. Мохнатый монстр зашатался, из глаз и волосатых ушей фонтанами хлынула кровь. Из пасти прозвучал обиженный скулеж, дескать, за что же меня так, и туша с грохотом рухнула на землю.

Тем не менее, заряженный на подвиг Цент, не замедляя шага, подлетел к поверженному монстру и изо всех сил пнул его ногой. Пнул для того, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что герой здесь – он. Не камень какой-то, случайно скатившийся с горы, а он, Цент, победитель чудовищ и в целом молодец.

Лохматый гигант раскинулся на земле обширным ворсистым ковром, и признаков жизни подавать не изволил. Оно и не удивляло, ибо всю жизнь из него начисто вынес камень, а вместе с жизнью из раздробленного черепа вылетело что-то коричневое, липкое и дурно пахнущее, очевидно – мозги.

Окинув взглядом тушу поверженного гоминида, и убедившись, что та уже точно не воскреснет, Цент повернулся к продолжающему визжать Владиду, и прикрикнул:

– Вырубай сирену!

Но тот не внял приказу. Судя по его шальным глазам, бледной физиономии и сырým штанишкам, Владик пребывал в глубоком шоке. К счастью, Цент знал, как вернуть своему доброму другу ясность рассудка. Что он и проделал немедля, поскольку от визга очкарика у Цента начала болеть голова. Подошел, ухватил визгуна за ухо, и втащил сочного леща с оттяжкой. Глубина шокового состояния оказалась столь велика, что пришлось угостить Владика пятью подзатыльниками, прежде чем он замолчал и начал приходить в себя. Взгляд его медленно прояснился, и программист влажными глазами уставился на своего спасителя.

– Добрый день, прыщавый, – сказал Цент. – Как твои дела, не спрашиваю. И так вижу, что превосходно.

Владик, наконец, узнал Цента, после чего, разрыдавшись, попытался заключить того в объятия. Крутой перец сего непотребства не допустил, и грубо оттолкнул от себя истеричного программиста.

– Очкарик, изволь объясниться, – строго потребовал Цент. – Что здесь происходит? Почему ты до сих пор жив? И кто этот мохнатый гражданин?

– Боже! – взвыл Владик, сотрясаясь в рыданиях. – Я пережил самые ужасные двое суток в своей жизни. Думал, что хуже уже не будет. Но потом появился этот....

Владик глянул на тушу поверженного гоминида, и ему опять стало дурно.

– Двое суток, значит, – задумчиво произнес Цент. – Похоже, нас сюда забросило одновременно, только раскидало по разным местам.

– Где мы? – стонал Владик. – Что происходит?

– А что ты помнишь последнее? Там, в городе.

Прекратив рыдать, программист уставился на собеседника.

– Я помню, – пробормотал он, – как появилась ужасная богиня тьмы. Она что-то сделала....

Тут он схватился за голову, и воскликнул:

– Нет! Не может быть! Она перезапустила наш мир. Создала его заново, таким, какой он был в самом начале времен. Только без людей. В этом состоял их план. Они все ненавидели род людской, винили его во всем. Мгла и Погибель говорили мне, что наш вид недостойн существования, что мы, люди, не можем ни с кем ужиться, и уничтожаем все вокруг.

– Какая грязная клевета на род людской! – возмутился Цент. – Я, например, всегда со всеми уживаюсь, а если возникают конфликты, стараюсь решать их, не выходя за цивилизованные рамки. Эти темные богини просто злобные стервы. Вот что бывает, когда баба долго живет без довлеющей власти крепкой мужской руки. Хорошо, что я поубивал их. Сделал доброе дело. Жаль только, что на их мамашу сил не хватило.

– Какой ужас! – рыдал Владик, не слыша собеседника. – Все люди мертвы! Хуже. Они просто исчезли, будто никогда и не рождались. Что теперь делать? Как быть? Я сейчас с ума сойду.

– Да прекращай уже истерику, – возмутился Цент. – Во-первых, мы точно не знаем, что случилось, так что не разводи панику раньше срока. Во-вторых, не все люди мертвы. Я вот, например, жив. А я еще какой человек! Ты тоже зачем-то уцелел, хоть и являешься больше не человеком, но позорящим род людской организмом. Возможно, здесь есть и другие люди. И вообще, откуда у тебя эта фантазия про заново созданный мир? Марена могла просто зашвырнуть нас в тайгу. Ну, потому что испугалась такого крутого перца, как я. А тебя зашвырнула, потому что ты жалок и отвратен, и она не хотела видеть пред собой столь ничтожное существо. Здесь я ее понимаю. Меня тоже воротит на тебя смотреть.

– Нет, мы не в тайге, – затряс головой Владик.

– Это почему же? Откуда ты знаешь, какая она – тайга? Ты, фрукт тепличный, дальше гастронома от дома никогда не отходил.

Владик трясущимся пальцем указал на тушу убитого камнем гоминида, и прошептал:

– Потому что в тайге не водятся тролли.
– Это обычный снежный человек, – объяснил Цент бестолковому спутнику. – В тайге их прорва. Правда, этот какой-то шибко здоровый.
– Нет, это не снежный человек, это тролль, – уперся Владик. – Я видел их прежде.
– Интересно знать – где?
– Ну, в компьютерных играх....
– Опять ты за старое! – разозлился Цент. – Компьютерные игры изуродовали тебя физически и морально, они способствовали твоей необратимой деградации. Я тебе уже сто раз говорил – забудь ты о них. Живи в реальности. Она лучше любой игры.
– Разве? – усомнился Владик. – Чем?
– Всем. Например, отсутствием каких-либо ограничений.
– В игре я был могучим воином и великим магом, а в жизни....
– Так надо было качаться, бестолочь стоеросовая! – рявкнул Цент. – Навыки развивать. Крутость. Четкость. Наглость. А ты всю жизнь дома просидел, в монитор глаза лупил. А теперь удивляешься, почему к тридцати пяти годам остаешься лохом первого уровня. Скажи спасибо, что до сих пор жив.

Отчитав Владика, Цент окинул задумчивым взглядом тушу гоминида, и тут же из его утробы донеслось возмущенное урчание сидящих без работы кишок.

– Тролль это, или снежный человек, но состоит он из мяса, – заметил Цент. – Не знаю, как ты, а я уже вторые сутки держу строжайший пост.

– Я тоже ничего не ел, – признался Владик. – И сильно замерз. И мне было так страшно....

Жалобная книга, вот-вот готовая хлынуть из уст программиста, была бесцеремонно захлопнута Центом.

– Завязывай нить! – рыкнул он. – Лучше придумай, как развести костер. Не хочется питаться снежным человеком в сыром виде, вдруг он больной. Еще подцепим какую-нибудь заразу, а поликлинику в этих краях днем с огнем не сыщешь.

Цент не очень-то верил, что Владик сумеет добыть огонь. Если уж его, крутого перца, на этом попроще постигла жестокая неудача, то чего ожидать от неумехи-очкарика? Но спутник преподнес сюрприз. Сунув руку в карман своей изорванной и грязной курточки, он вытащил наружу коробок спичек.

– Я его с собой носил, на всякий случай, – признался он. – Думал разжечь костер, но побоялся привлечь хищников. Мне было так страшно, так одиноко, так....

Звонкая оплеуха оборвал новую попытку цитирования жалобной книги. Цент выхватил спички из ладони Владика. Им он был рад гораздо больше, чем депрессивному очкарику.

– Собирай дрова! – приказал Цент, подходя с топором к туше гоминида. – Сейчас и отогреемся, и перекусим. Так, лохматый, где у тебя самое вкусное мясо? Фу! Ну и запах! У этих снежных людей никакого понятия о гигиене. При таком обильном волосяном покрове не мыть подмышки просто преступление. Как сам-то еще от собственной вони не удушился?

Мех у снежного человека оказался густой и жесткий, а шкура столь толстая, что Цент потратил добрых двадцать минут, чтобы прорубиться сквозь нее. Когда добрался до мяса, выяснил, что оно невыносимо жилистое и отличается удивительной жесткостью. Острое лезвие топора с трудом разрежало плоть гоминида.

К тому времени, как Владик собрал дрова, Центу удалось отделить от туши несколько ломтей мяса.

– Ладно, сейчас проверим, каков снежный человек на вкус, – произнес Цент, занявшись разведением костра. Доверить это дело Владиду он не решился, ибо криворукой спутник мог запросто извести все имеющиеся спички, но так и не добыть огня.

Когда разгорелся костерок, они нанизали куски мяса на прутики, и стали поджаривать его над огнем. Оба в нетерпении облизывались и истекали слюной. Даже Владик, который в иной

ситуации побрезговал бы питаться плотью какого-то неведомого монстра. Но после двухдневного голодания и порции пережитого ужаса, которого Владик натерпелся, оказавшись один посреди дикого леса, он стал гораздо менее разборчив в выборе корма. Трудно было в это поверить, но он даже Центу обрадовался, и отнюдь не только потому, что тот спас его от верной смерти. Пусть крутой перец из девяностых и был изрядной свиньей, склонной к садизму и зверским шуточкам, но даже такая компания в этом неведомом и страшном мире была предпочтительнее полного одиночества. Владик убедился в этом в первую же ночь, проведенную в лесу. Такого страха хлебнул, что и до утра дожить не чаял. Каждую секунду чудилось, что вот сейчас из темноты на него набросятся и начнут пожирать. А когда измученный усталостью и страхом Владик столкнулся с настоящим монстром, то едва не отдал богу душу самостоятельно, без вмешательства посторонних зубов и когтей.

Приключения Владика после пробуждения в незнакомом лесу были похожи на приключения Цента, с той лишь разницей, что бывший рэкетир эти двое суток целенаправленно искал хоть что-то живое с целью убить и поглотить, а Владик, напротив, старался оставаться незамеченным для всех здешних обитателей. Даже имея в кармане спички, он так и не отважился развести костер. Даже ночью, когда едва не дал дуба от холода. Поскольку был уверен – стоит ему разжечь огонь, как тот неизбежно привлечет своим светом всех окрестных монстров. И столкновение с гигантским троллем, которого Цент упорно дразнил снежным человеком, лишь укрепило уверенность Владика в том, что он поступил мудро. Потому что едва ли этот тролль единственное чудовище в здешних лесах. Возможно, что и не самое страшное. Кто знает, что таит в себе созданный темной богиней мир? Каких немислимых монстров? Какие неслыханные опасности? А в том, что они оказались именно в новом, воссозданном Мареной, мире, а вовсе не в тайге, Владик был уверен.

Они долго и упорно жарили над огнем мясо снежного человека, но даже после продолжительной термической обработки оно всеми своими характеристиками подозрительно напоминало автомобильную крышку. Угрызть его было непросто. Цент, чтобы не переломать зубы, пустил в дело топор. Резал мясо крошечными кусочками, и бросал их в рот. У Владика не было топора, и ему пришлось справляться своими силами. В итоге куски снежного человека плотно набились между зубов, а один раз Владик натурально подавился, и успел посинеть, прежде чем Цент соизволил подняться со своего места и оказать сотрапезнику помощь. От мощного удара по спине у Владика едва все внутренности изо рта не вылетели.

– Жри осторожнее! – посоветовал суровый спутник. – В следующий раз я вставать не буду. Мне и в этот не хотелось.

Пусть тролль и оказался жестким, как резина, и невкусным, как армейская кормежка, он все же сумел утолить голод. Цент умял четыре куска, Владик с трудом осилил один.

– Что ж, – заметил бывший рэкетир, поглаживая ладонью свое брюхо, в недрах которого воцарилась долгожданная тяжесть, – жизнь постепенно налаживается. Даже оказавшись в самой безнадежной ситуации, нельзя отчаиваться. Нужно верить в лучшее, и оно обязательно настанет.

Владик не разделял оптимизма собеседника. На его взгляд, никакое лучшее не настало. Они по-прежнему находились неизвестно где, и, судя по всему, место это было очень опасное. Если Марена создала мир, населенный первобытными чудовищами, вроде ныне покойного тролля, то долго ли они двое протянут в нем? Даже неистовый Цент не всемогущ, даже ему не справиться со всеми монстрами на свете. Он и тролля-то убил чудом, да и то не он сам, а сброшенный им с горки камень.

– Что нам теперь делать? – спросил Владик, со страхом оглядываясь по сторонам. Вокруг пещеры тролля вставали деревья, куда ни пойдешь, а дорога одна – в темный и жуткий лес. В котором, вполне возможно, водятся еще немало гигантских снежных людей и иных кошмаров.

– Что делать – вопрос извечный, – заметил Цент. – Но в нашем случае все очевидно. Нужно искать людей. Где люди, там вкусная еда, хмельное пиво, сочные бабы. Цивилизация, одним словом. Лесная жизнь мне не по нраву. Ладно бы дело было в тропиках, там условия лучше. Потряс пальму, вот тебе и кокосы, и бананы. Жуй витамины, да на солнышке загорай. А в этих широтах даже орешков в шишках нет. Я за два дня ни одной живой твари не видел, кроме кузнечика малого. Ну и еще вот этого гоминида. Гоминид, конечно, большой и из мяса, но вкусовые качества снежного человека оставляют желать лучшего. Да и охотиться на них нерентабельно. Такую тушу еще сумеи завалить, и ради чего? Ради трех-четырех кило мяса. Больше не съешь и с собой не унесешь. Так что, очкарик, у нас с тобой одна дорога – к людям.

– Я не думаю, что здесь есть люди, – произнес Владик.

– Вечно ты по самые ноздри в каком-то пессимизме, – воскликнул Цент раздраженно. – Откуда у тебя такой мрачный взгляд на жизнь? Все время думаешь о чем-то плохом, предполагаешь самое ужасное. С таким настроем один шаг до суицида. В твоём тяжелом случае – полшага.

– Но ведь это может быть правдой, – уперся Владик. – Если это мир, созданный Мареной, то здесь нет, и не может быть людей. Кроме нас.

– И такое возможно, – не стал спорить Цент. – Но если в этом мире нет людей, это еще не значит, что в нем нет вкусной еды, хмельного пива и сочных баб. И вообще, учись радоваться жизни.

– Чему радоваться-то? – мрачно спросил Владик. – Все ведь плохо.

– Какой же ты неблагодарный. Мы живы? Живы. Тебе этого мало? У нас есть огонь, еда, ноги, которые ходят. Да и потом, пусть тут холодно и голодно, но ведь могло быть и хуже. Окажись мы здесь в разгар зимы, давно бы околели. Видишь, сколько всего хорошего набралось. Да мы с тобой настоящие счастливики!

– Но тут водятся монстры, – захныкал Владик, косясь на тушу тролля.

– И хорошо, что водятся. Нам с тобой ведь надо кем-то питаться. Вот сегодня снежным человеком закусили. Глядишь, в следующий раз вампира или оборотня в супе помянем. Запомни, очкарик – человек есть вершина пищевой цепи. А если кто-то здесь думает иначе, его ждет жестокое разочарование. Мы уьем и съедим всех, кто встанет у нас на пути. Хотя, я бы предпочел, чтобы на моем пути чаще вставали кролики, куры или коммерсанты, чем снежные люди. Они и вкуснее, и возни с ними меньше.

Закончив трапезу, Цент вновь вооружился топором, и отделил от туши снежного человека еще несколько кусков мяса, которое решил взять про запас. Рассудил в том духе, что неизвестно, когда в следующий раз посчастливится убить живое существо, а питаться чем-то нужно. Обязанность по транспортировке мяса была возложена на Владика. Тому пришлось стащить с себя футболку и сделать из нее мешок. Оставшись в одной легкой курточке на голое тело, он тут же почувствовал себя неудобно. Даже днем здесь было прохладно, чего же ждать от ночи? Вся надежда была на костер. Авось согреет, не даст промерзнуть до костей.

Цент в это время подошел к входу в пещеру снежного человека, и попытался заглянуть внутрь. Нора оказалась глубока, внутри нее царил мрак. А когда Цент шагнул глубже, в нос ему ударил такой чудовищный смрад, что героя едва не стошнило.

– Нет, туда мы не полезем, – постановил он. – Да и что там может быть, кроме гор экскрементов?

– В книгах, фильмах и играх тролли стаскивают в свои пещеры разные ценные вещи, – сообщил на свою беду Владик.

Не успел опомниться, как друг Цент вручил ему горящую ветку, и посоветовал не возвращаться без сокровищ.

– Пиво там посмотри, – напутствовал он. – Если есть, то возьми мне бутылочку чешского.

Владик пробыл в пещере недолго, а когда выбежал наружу, был зеленее молодой травки. На брюках и ботинках поблескивали пятна свежей рвоты – попав в пещеру, Владик совершил фатальную ошибку, сделав глубокий вдох через нос.

– Где сокровища? – потребовал отчета Цент.

– Там ничего нет, – пытаюсь отдышаться, прохрипел Владик.

– Вот лишнее доказательство того, что от твоих игрушек один вред. Учат всякой ерунде, либо ложной, либо просто опасной для жизни. Ты посмотри на гоминида! Это же сушья обезьяна. Ну, какие ценности он мог хранить у себя в пещере? Нет, Владик, ты свой игровой опыт забудь. Не доведет он тебя до добра в реальной жизни.

Цент потушил костер, забросав его землей, сунул за пояс секиру, и сказал:

– Не станем задерживаться. Вдруг у снежного человека есть родственники, и они нагрянут к нему в гости.

– Куда пойдем? – спросил Владик, взвалив на спину мешок с мясом.

– Нужно спуститься с этих гор. На равнине и теплее, и живности больше. Глядишь, и людей там отыщем.

Владик промолчал, хоть и не верил в возможность встречи с людьми. Уж он-то точно знал, что произошло. Темная богиня перезапустила мир заново, создав его первозданным, населенным удивительными существами, со всем его исконным многообразием. Но при этом безлюдным. Лишь им двоим удалось каким-то чудом пережить произошедший перезапуск. Но долго ли они пробудут живыми в этом враждебном для человека краю? Владик глядел на тушу убитого тролля, и понимал – нет, недолго.

– Идем, очкарик, – окликнул его Цент. – Здесь автобусы не ходят. Придется ножками, ножками. А будешь и дальше носить на лице эту депрессивную мину, я на тебе верхом поеду. То-то ты взбодрись. Засияешь от радости!

Глава 3

До самого вечера они тащились через лес. Местность постепенно понижалась, и ближе к сумеркам помимо хвойных деревьев стали возникать, а затем и преобладать, представители лиственных пород. Изменения коснулись не только флоры. Стоило покинуть ареал обитания снежного человека, как тут же обнаружилась всяческая живность. Цент заметил довольно упитанных белок, бодро скачущих по ветвям, затем Владик, привычно забывший смотреть под ноги, едва не наступил на огромного ежа, притаившегося под слоем сухой листвы и хвои.

– Здоровый, однако, – заметил Цент, тыча в добычу палкой.

Еж и впрямь был очень крупным. Небезосновательно ожидая от людей всего наихудшего, он свернулся в колючий шар, став размером с футбольный мяч.

– Знаю, как их готовить в полевых условиях, – похвастался крутой перец. – Надо его в глине обвалить, и запечь на огне. Потом раскальваешь глиняную оболочку, к которой прилипнут все иголки, и получаешь чистое, славно пропеченное, мясо. В принципе, метод универсальный, работает не только с ежами. Один мой кореш в девяностые примерно таким же манером вскрывал с братвой инкассаторские броневики.

– Ты хочешь съесть ежика? – спросил Владик, в душе сочувствуя несчастному животному.

– Хочу, разумеется, но не стану. Пускай колючий благодарит бога, пославшего нам снежного человека. Не подвернись гоминид, ежик уже пекся бы в костре. Или вообще был бы пожран в сыром и, возможно, живом виде. Когда я голоден, мне жалость чужда.

По субъективному мнению Владика, жалость была чужда другу Центу в любом его состоянии, и что сытый, что голодный, он всегда был не товарищ окружающему миру, оставаясь все тем же садистом и извергом.

Оставив ежа в покое, они продолжили свой путь. Съеденное мясо придало сил, но поскольку оба они были на ногах вторые сутки, Цент еще засветло начал высматривать место для ночевки. Укладываться где попало не хотелось, поскольку убитый гоминид мог быть в этом лесу не один, да и о всяких волках и медведях тоже забывать не стоило. У них, конечно, имелись спички, позволявшие развести костер, но где гарантия, что местные звери настолько устроятся огню, что не рискнут напасть на незащитных людей?

В итоге, уже в сумерках, было найдено подходящее место. Несколько удачно упавших деревьев образовали неплохое убежище, защищенное с двух сторон от ветра и внезапного нападения. Вариант был не идеальный, но Цента уже не держали ноги. Адреналин, впрыснутый в организм в ходе убийства гоминида, давно вышел с потом, съеденное мясо переварилось и усвоилось. Да еще Владик, бредущий следом, начал часто отставать и периодически падать на ровном месте.

– Ладно, тут заночуем, – решил Цент. – Очкарик, собирай дрова. И советую тебе не лениться. Если вдруг ночью прибегут волки, а у нас внезапно закончится топливо для костра, мы разделим судьбу снежного человека.

Напуганный волками Владик забыл об усталости, и за полчаса натаскал целую гору хвороста. Цент за это время развел костерок, наломал сосновых лап, и соорудил из них лежанку. Соорудил ее, разумеется, только для себя. Владика самому пришлось устраивать себе постель.

С костром, дарующим тепло и свет, и жареным мясом на ужин, выживать в ночном лесу оказалось даже приятно. Приключение окончательно утратило свой нестерпимо экстремальный характер. Владик, сам этому не веря, благодарил бога за то, что встретился с Центом. Один он в этом лесу давно бы сгинул. Не был бы пожран гоминидом, так просто замерз бы насмерть текущей ночью.

– Жизнь потихоньку налаживается, – заметил Цент, вгрызаясь зубами в свою порцию плоти снежного человека. – И согрелись, и наелись. Глядишь, завтра еще и выпьем. А ты плакал – все плохо, все плохо. Плохо у лоха. Конкретный пацан в любых условиях не пропадет и кайфанет.

Владик, сгорбившись, сидел на ворохе сосновых лап, тупо таращился в огонь слипающимися глазами, и чисто механически жевал жесткое мясо. От усталости он отупел настолько, что почти не слышал своего излишне оптимистичного спутника. Все, чего хотел изнемогший программист, это упасть на свою самодельную лежанку и забыться долгим крепким сном. Но этому мечтанию не суждено было сбыться.

– Придется следить за огнем по очереди, – сказал Цент. – Ты дежуришь первым.

Подавив стон страдания, Владик спросил:

– Когда мне тебя разбудить?

– Не надо будить. Я сам проснусь.

– А если ты проспишь свою вахту? – забеспокоился программист, который вдруг осознал, что может вовсе остаться сегодня без сна.

– Не просплю, – обнадежил его Цент, с трудом поднимаясь на измученные ноги, чтобы дойти до ручья с целью омовения рук и утоления жажды. – Конкретный пацан не просыпается поздно или рано. Он просыпается ровно тогда, когда выспится. И ни секундой раньше.

После этих слов Владиду окончательно стало ясно, что этой ночью у него не будет шанса сомкнуть глаза.

Нахлебавшись студеной водицы, Цент вернулся к костру, рухнул на лежанку и почти сразу же захрапел, сраженный накопленной за двое суток усталостью. Владик скопил ее не меньше, пожалуй, что и больше, ибо не отличался ни физической силой, ни выносливостью. Стоило Центу заснуть, как он тут же начал клевать носом. Чтобы взбодриться, Владик тоже сходил к ручью, напился и умылся ледяной водой. Принятые меры помогли ровно на минуту. Он подбросил в костер охапку хвороста, и постарался занять себя какими-нибудь интересными мыслями, которые увлекут его и отгонят сон. И вроде бы почти получилось, как вдруг над его головой раздался сердитый крик, а в следующую секунду Владик, вопия, уже катался по земле, держа руками за отбитый бок.

– Ты что же, вредитель, нарочно меня застудить вздумал? – гневно вопрошал Цент.

Распахнув полные слез глаза, Владик с удивлением обнаружил, что уже давно рассвело. Сквозь кроны сосен пробивались лучи встающего солнца. Костер давно погас, весь хворост в нем прогорел, превратившись в горсточку остывшей золы.

– Что произошло? – прохрипел Владик.

– Он еще имеет наглость спрашивать! – возмущенно вскричал Цент. – Ты почему, паразит, за костром не следил? Или не русским языком я сказал тебе делать это? По-английски, что ли, с тобой общаться, черт лупоглазый? Изволь! Иф ю еще уан раз прослипишь вахту, ай уил натяну юр глаз на ас.

– Я, наверное, нечаянно заснул, – попытался найти оправдание своему поступку Владик. – Я не хотел.

– Не хотел – не заснул бы! – отрезал Цент. – Нашел бы способ взбодриться. Мог бы, к примеру, руку в костер сунуть, и минутку там подержать. После этого с тебя весь сон слетел бы. Но ты же не такой. Ты у нас мальчонка безответственный. Вот и ходи с программистами в походы. Ничего тебе доверить нельзя.

– Это была досадная случайность, – силился обелить себя Владик.

– В твоем случае это давно уже обрело характер досадной закономерности. Но я знаю, что с этим делать. У меня есть неплохой рецепт твоего перевоспитания. Я буду тебя бить.

– Как? – всхлипнул страдалец.

– Сильно. И часто. Все время. Ты, вероятнее всего, останешься после этого калекой, но лучше так, чем и дальше терпеть твое наплевательское отношение к своим обязанностям. А теперь живо вставай и разводи огонь. Надо отогреть мои старые кости, которые промерзли твоими стараниями.

Поскольку Владик имел непростительную дерзость заснуть на посту, он был подвергнут суровому наказанию – остался без завтрака. Цент в одно лицо умял весь оставшийся запас мяса, а проштрафившегося программиста заставил не моргая смотреть себе в рот и истекать слюной.

– Выживание в диких условиях – штука суровая, – наставительно сказал он, покончив с завтраком. – В этом деле халатность непростительна. Благодарю бога за то, что ты состоишь из мяса, иначе я не был бы к тебе так добр.

– Из мяса? – вздрогнул Владик. – Почему я должен благодарить за это бога?

– Экий ты непонятливый. Я же сказал – выживание штука суровая. Добыть пропитание в лесу задача не из легких. А ты знаешь, как сильно я не люблю голодать. Поэтому будет разумным держать при себе мобильный запас протеина.

Тут-то Владик постиг, о чем говорит его страшный спутник, и стало программисту не по себе. Ужасный монстр из девяностых прямым текстом нарек его едой. И, уж конечно, Цент ни секунды не станет колебаться, если голод вынудит его совершить акт каннибализма. Он, в принципе, может и не дожидаться наступления голода, и сработать наперед.

– Не трясись ты так, – посоветовал добрый друг, ногтем выковыривая куски мяса, застрявшие между зубов. – Если до этого дойдет, а оно, чую, дойдет, буду потреблять тебя частями. Сперва съем руки. Тебе-то от них все одно никакой пользы, ибо кривые и произрастают из места постыдного. Так и я буду сыт, и ты сможешь передвигаться самостоятельно. Следом примусь срезать с тебя ломти мяса, стараясь не задеть жизненно важных органов. Сделаю все возможное, чтобы ты оставался живым как можно дольше, и сохранял способность к передвижению. Пойми меня правильно – меньше всего на свете я хочу тащить лишний груз на своем немолодом горбу. Куда приятнее, когда запас пищи перемещается самостоятельно. Да и тебе так будет лучше – лишние дня два проживешь. Успеешь вволю надышаться.

Владик только чудом усидел на месте, потому что хотелось ему иного – бежать прочь от этого ужасного человека. Лучше уж пойти на корм троллю. Тот хотя бы сразу убьет, не станет растягивать пожирание на несколько кошмарных дней.

– Пора в путь, – решил Цент. – И лучше бы нам поспешить. Это, прежде всего, в твоих интересах. Чем быстрее доберемся до богатых пищей краев, тем выше твои шансы сохранить свою тушу в целости. Впрочем, не хочу обнадеживать тебя понапрасну. Я могу внезапно оголодать в любой момент, и тогда буду просто вынужден изъять у тебя часть тела.

Покончив с завтраком, они выдвинулись в дальнейший путь. После отдыха и порции мяса идти стало куда легче. Цент так и вовсе преисполнился оптимизмом, поддавшись уверенности, что стоит им только спуститься с гор на равнину, как они тут же наткнутся на пивной ларек и расположенную рядом шашлычную. Бредущий за лидером Владик хотел этого едва ли не больше самого Цента. Ни о чем программист не мечтал так сильно, как о том, чтобы лютый изверг из девяностых скорее утолил свой кошмарный голод, и перестал засматриваться на худосочного спутника. А ведь это он пока засматривается. Присматривается, прикидывает, с какого конца несчастного программиста поглощать, что у него, горемычного, первым делом отрезать. Но далеко ли до того момента, когда эти страшные смотрины завершатся актом свирепого каннибализма?

Цент решил не менять прежнего плана, и продолжил двигаться вдоль ручья. Логика подсказывала, что тот неизбежно течет сверху вниз, а вниз-то им и было нужно. По пути Цент высматривал еду, лесных зверьков или знакомые растения, но наблюдал только шустрых белок, до которых было не добраться. Все так же часто попадались усыпанные красной ягодой кусты,

но плоды их были решительно незнакомы Центу, и он не отважился на дегустацию. Даже не принудил к этому делу Владика. Не хотел, чтобы тот отравился и стал несъедобен.

Ближе к полудню ручеек влился в другой, широкий и бурный, поток. Тот с шумом катился по камням, а откуда-то спереди доносился пугающий грохот, встревоживший Цента и повергнувший Владика в священный ужас. Впрочем, их опасения оказались напрасными. Прямо по курсу их поджидал всего лишь водопад.

Путь им преградил обрыв – отвесная стена, высотой добрую сотню метров. Вниз, с его края, обрушивался поток воды, и с грохотом падал в озеро у подножия скалы. Из озера вода тонкой извивающейся лентой устремлялась ниже, и впадала в огромную реку, что протянулась вдоль горного хребта. По ту сторону реки раскинулся бескрайний лес – с вершины скалы можно было оценить весь его колоссальный масштаб. Края ему видно не было – до самого горизонта расплескалось густое зеленое море.

Оба скитальца застыли на краю обрыва, любясь открывшейся панорамой. При этом Владик думал о том, какие немыслимые опасности поджидают их в том лесу. Программист был уверен, что красота здешнего пейзажа обманчива, и в недрах дремучего леса они столкнутся с ужасающими монстрами, на фоне которых даже вчерашний гоминид покажется чем-то вроде невинной белочки или суслика.

– Никаких признаков высокоразвитой разумной жизни, – произнес Цент огорченно. – Одна сплошная тайга.

– Может, не пойдем туда? – робко предложил Владик.

– Тут, что ли, останемся? И что здесь делать? Ну, первые дня три я смогу питаться тобой, а после что прикажешь делать? Сначала кончишься ты, потом спички. Нет, прыщавый, тут нам оставаться нельзя. Спустимся вниз, посмотрим, как оно там. Если не понравится, всегда сможем вернуться.

Спуститься, однако, оказалось непросто. Чтобы найти подходящее для этого место пришлось преодолеть вдоль обрыва не меньше трех километров. И на протяжении этого пути Цент, не замолкая, рассуждал о допустимости людоедства в экстремальных условиях, а заодно перечислял те блюда, которые мог приготовить из мяса программиста. Владик, идущий следом за ним, твердо решил для себя, что если изверг попытается осуществить акт каннибализма, он спрыгнет в пропасть, дабы избежать неизбежно ожидающих его мучений.

– Ведь если рассудить беспристрастно, то, что такое, в сущности, человеческое тело? – вслух размышлял Цент. – Всего лишь мясо, кости и ливер. Если подойти к этому вопросу с позиции православия, то единственным важным элементом в человеке является бессмертная душа, тогда как тело, это лишь временный для нее сосуд, источник бесконечных соблазнов и страданий. Не совершу ли я богоугодного дела, высвободив твою душу из телесной оболочки? Думаю, что это будет однозначно благим поступком. Так и ты быстрее попадешь в рай, и я, воспользовавшись твоим мясом, утолю голод свой, насытившись же, вознесу молитвы и буду немедленно прощен.

По щекам Владика катились слезы отчаяния, и он все чаще косился на край обрыва, за которым его поджидала верная, но зато мгновенная, смерть.

– Есть, правда, у меня сомнение, что тебя, очкарика, запустят в рай даже на экскурсию, – поделился своими мыслями Цент. – Ибо жизнь ты прожил несправедливую, и велика вероятность твоего попадания в пекло. Но я не был бы христианином, если бы не помог тебе избегнуть столь жуткой участи. А способ вижу лишь один – сделать тебя великомучеником. Приняв великие страдания перед смертью, испытав немыслимую боль, ты, тем самым, очистишь душу свою и получишь право на вход в рай. Так мы уьем двух зайцев и одного программиста – ты окажешься в раю, а я, поскольку стану терзать тебя из благих побуждений, запишу на свой счет еще одно богоугодное дело. А потом я помяну тебя тобой. Жаль, что нет котелка, я бы супчика похлебал. Придется поглощать тебя в жареном виде.

В тот момент, когда Владик уже готов был совершить акт спасительного суицида, они добрались до места, где можно было осуществить спуск к подножию обрыва. Тот намечался рискованным, и Цент, засомневавшись, возможно и передумал бы заниматься опасным альпинизмом, но тут в дело вмешался Владик, которому уже нечего было терять. Понимая, что пути у него два – либо вниз, либо в лигу великомучеников, он первым отважно начал спуск. Цент, изумленный храбростью своего спутника, вынужден был последовать за ним.

На деле все оказалось не так страшно. Скала состояла из серии уступов, расположенных на разной высоте, и, перебираясь с одного на другой, они достигли дна всего-то за час. Правда, финиш у Владика оказался смазанным – он оступился, и упал на камни с высоты трех метров. К счастью, камешки были мелкими, и не причинили ему серьезных травм. В отличие от боли, которая была столь сильна, что Владик, не удержавшись, разрыдался в голос.

– Что с тобой? – забеспокоился Цент. – Ты ранен? Изувечен? Умираешь? Владик, держись! Не позволим твоему мясу пропасть даром.

С этими словами он вытащил из-за пояса секиру. Несчастный программист взвыл дурным голосом, вскочил на ноги и бросился бежать, наглядно демонстрируя, что он здоров и прекрасно себя чувствует.

Вскоре они спустились к берегу реки. Та оказалась широка. По счастью, течение было едва заметным, а когда Цент, присев на корточки, попробовал рукой воду, то выяснил, что она не так уж и холодна.

– Не замерзнем, – констатировал он.

Владик понял, что его спутник собирается форсировать реку вплавь, и тут же поспешил сделать заявление.

– Я не смогу! – выпалил он. – Я очень плохо плаваю. Почти совсем не плаваю.

– Ты, и плохо плаваешь? – удивился Цент. – Владик, немедленно перестань на себя наговаривать. Я более чем уверен, что ты обладаешь идеальной плавучестью.

– Здесь очень далеко, у меня не хватит сил, – продолжал бормотать программист.

– Да к тому же неизвестно, что за рыбка водится в этой реке, – заметил Цент. – Пожалуй, ты прав. Вплавь не вариант. Надо что-нибудь придумать.

От идеи постройки сложного плавательного средства, вроде плота, отказались сразу. Ни Цент, ни Владик не имели опыта в кораблестроении, и оба как-то сразу поняли, что из подобной затеи ничего хорошего не выйдет. Зато, прогуливаясь по берегу, Центом был обнаружен упавший ствол сухого дерева. Тот был довольно велик, и весил, должно быть, немало, но надеживало то, что он лежал на склоне, и мог сам скатиться вниз, если его немного подтолкнуть.

– Подналяжем, очкарик, – предложил Цент, поплеывая на ладони и заодно на Владика. – Ты уж старайся, себя не пади. Помни, что с каждой секундой я становлюсь голоднее, а твои шансы дожить до вечера стремительно тают.

Навалились дружно и изо всех сил. Владик от усилий покраснел, жилы на его тонкой шее вздулись так, что едва не рвали кожу. Он вспахивал ногами песок, и даже издавал рвущиеся из груди стоны, вызванные предельным физическим напряжением.

– Очкарик, я вижу, что ты совсем не толкаешь, – уличил его Цент. – Прекращай бездельничать, и навались на бревно.

Владик ничего не ответил, поскольку был занят – тратил последние силы на то, чтобы скочащить древесный ствол с насиженного места.

Спустя десять минут напряженной борьбы людей с деревом бревно-таки поддалось. Набрав скорость, оно само скатилось по склону, и заехало в воду. Следом за ним съехал Владик, отдавший этой борьбе все свои силы.

Выломав две палки, которые планировали использовать в качестве весел, отважные мореплаватели вывели бревно на глубину и оседлали его. Цент разместился на носу корабля, как и полагается предводителю, а Владика досталось место у галюна, на корме.

– Гребь, юнга! – скомандовал Цент, опуская свою палку в воду. – Интуиция подсказывает мне, что на том берегу нас ждет сытная трапеза.

– А если там ничего нет? – рискнул спросить Владик.

– Если так, то сытная трапеза ждет лишь меня одного.

Массивное бревно без труда удерживало на плаву и себя, и оседлавших его пассажиров. Грести палками было легко, но малоэффективно. Шхуна ползла вперед с черепашьей скоростью, и вскоре обоим стало ясно, что таким манером они доберутся до соседнего берега только к вечеру.

– Ну, как раз к ужину! – не унывал Цент. – Очкарик, навались!

Владик и так греб изо всех сил, его не нужно было понукать. К страху перед Центом прибавился страх перед водной стихией. Притом Владик боялся не только самой воды, хотя и ее тоже, но и тех чудовищ, что гипотетически могли скрываться под ее поверхностью. Это ведь не его родной мир, где в реках обитают только безобидные рыбы. Он уже имел счастье наблюдать сухопутного монстра. Его водоплавающие коллеги могли оказаться не менее ужасными.

Глава 4

Предварительный прогноз оказался излишне пессимистичным. Реку они форсировали всего часа за два, и достигли соседнего берега еще засветло. Тот оказался удивительно негостеприимным. Причалить было негде – деревья стояли стеной у самой кромки воды. Пришлось изрядно попотеть, чтобы не искупаться, а делать этого Центу совершенно не хотелось, ведь у него в кармане лежали драгоценные спички – единственный источник огня. Поэтому он пустил вперед Владика, чтобы тот прощупал безопасный маршрут для высадки.

Помимо деревьев вдоль берега непролазной стеной вставали заросли кустарника, разбавленные густым подлеском. Против буйной флоры оказался бессилён даже топор, так что пришлось принять унижительную четвероногую позу и пробираться сквозь препятствие на карачках.

Когда оба отважных путешественника преодолели стену кустарника и оказались в обычном дремучем лесу, они без сил растянулись на земле. С обоих градом катил пот. Владик изнемог так, что не чувствовал способности вновь подняться на ноги.

– Надеюсь, все это было не зря, – произнес Цент. – Если не найдем здесь никакого пропитания, в самом деле придется ужинать тобой.

– Ты действительно хочешь меня съесть? – горько расплакался Владик.

– Большого желания не испытываю, но суровые времена требуют суровых гастрономических решений. Ну, что, идем искать еду?

Владик каким-то чудом нашел в себе силы, чтобы подняться на ноги. Да и выбора особого не было. Сообщил он Центу, что больше не в силах продолжать путь, и тот запросто может притворить в жизнь все свои людоедские мечтания. Ему только дай повод. А не дашь, он сам его придумает.

Здесь лес заметно отличался от того, который они наблюдали в горах. Тут почти не было хвойных пород деревьев, преобладали дубы, достигающие подчас огромных размеров. Смыкающиеся над головами кроны перекрывали солнечный свет, из-за чего почти полностью отсутствовала мелкая растительность, что благотворно сказывалось на общей проходимости локации. Землю покрывал толстый слой из палой листвы, мелких сухих веточек и ядреных желудей, иные из которых были размером с кулак. Цент поднял один, расколол обухом топора, и отдал Владиду на дегустацию. Тот отведал даров природы и долго после этого отплевывался.

– Жаль, – заметил Цент. – Я думал, что раз уж тут мир другой, то и желуди другие. Со вкусом копченой колбасы, например.

Спустя час пути через дебри Владик начал медленно прощаться с жизнью. За это время им так и не попалось ничего съедобного. Притом, нельзя было сказать, что в лесу полностью отсутствовала живность. Она была. В кронах порхали птицы, по ветвям скакали все те же жирные и недоступные белки, земля была богата насекомыми. Но добыть птиц и белок было невозможно в силу отсутствия оружия дальнего боя, а кормиться насекомыми Цент не возжелал, заявив, что уже пробовал, и ему не понравилось.

– Что же, нет смысла и дальше оттягивать неизбежное, – произнес изверг из девяностых, выразительно глядя на Владика. – Зачем себя обманывать? Твоя участь предрешена. Удача отвернулась от тебя, очкарик, и потому грядет заклятие. Вот найдем подходящую полянку, да там все это дело и оформим. А вон, кстати, какой-то просвет впереди. Давай-ка скорее туда. Мне не терпится перекусить.

Цент заспешил вперед, а Владик, у которого от ужаса отказали ноги, упал на колени и горько заплакал. Подумать только, сколь много опасностей он пережил, в каких невыносимых переделках побывал, и все для того, чтобы расстаться с жизнью не в бою, не угодив в лапы

зомби, и даже не будучи убитым темными богами. Человек разумный, такой же, как и он сам, собрался съесть его. Просто взять, и съесть. Не под угрозой голодной смерти, а лишь по той причине, что мяса ему, видите ли, срочно захотелось.

Весь с головой поглощенный своими страданиями, Владик не заметил, как ушедший вперед Цент довольно быстро вернулся. Притом вернулся странно – двигался на полусогнутых ногах, воровато озирался и старался не производить шума.

– Эй, очкарик, – шепотом позвал он. – Очкарик! Хватит слезы лить. Не расходуя влагу, мясо станет жестким. Дело есть.

– Не ешь меня, пожалуйста! – взмолился Владик.

– Да я как раз об этом и говорю. У тебя появился реальный шанс выжить.

– Правда? – возликовал программист, отчаянно желая верить, что это не очередная злобная шутка изверга, призванная внушить ему ложную надежду, а затем безжалостно отнять ее.

– Да, правда, – заверил его Цент. – Но тебе придется постараться.

– Я на все готов! – с жаром выпалил Владик.

– Молодец. Только орать не надо. Добычу спугнешь.

– Какую добычу? – перешел на шепот Владик.

– Там, на полянке, – объяснил Цент, рукой обозначив направление, – какая-то скотина пасется. Похожа она на лошадь, только размером меньше. Наверное, пони, или вроде того. Я не разбираюсь, не коневод. Но вот то, что эта скотина состоит из мяса, тут и к гадалке не ходи.

– Если мы поймем лошадь, ты съешь ее, а не меня? – быстро спросил Владик.

– Верно мыслишь. Тебя, конечно, я тоже съем, но в другой раз. Однако действовать нужно грамотно. Слушай, каков наш план. Ты сейчас обойдешь поляну по кругу, и пугнешь лошадку на меня. А уж я не оплошаю. Все понял?

Владик кивнул головой.

– Тогда действуй. Мне не терпится приступить к ужину. Я о нем с утра мечтаю.

Согласно плану, Владик чуть ли не ползком обогнул поляну, поскольку чрезвычайно опасался спугнуть лошадь и сорвать всю охоту. Прекрасно понимал, что в этом случае место пони на вертеле займет он, а потому не ленился проявлять чрезмерную осторожность.

Выйдя на позицию, Владик на четвереньках подкрался к краю поляны, и осторожно выглянул из кустов, желая выяснить местоположение добычи. Выглянул, и буквально обомлел.

Посреди поляны, поросшей высокой зеленой травой, стоял самый настоящий единорог. Размером он действительно напоминал скорее пони, нежели лошадь, но имел тонкое, изящное сложение, более подобающее косуле или антилопе. Весь он был снежно-белый, и, казалось, даже светился на солнце. Большие голубые глаза смотрели на мир без страха, а изо лба торчал длинный, сантиметров пятидесяти, тонкий костяной рог.

Взирая на это чудо, Владик никак не мог отойти от изумления. Как выяснилось, не все сказочные создания ужасны. В отличие от горного тролля, единорог был прекрасен. Владика даже подумалось, что попытка убийства этого волшебного зверя будет страшным преступлением. У какого изверга поднимется рука лишить жизни такое чудо?

Впрочем, ответ на это вопрос не пришлось искать долго. Одного такого изверга, у которого рука поднималась на все, что угодно, Владик очень хорошо знал. А заодно вспомнил, что спасение единорога будет стоить ему жизни. Цент ведь обещал съесть его в случае неудачной охоты, и он обязательно сдержит свое страшное обещание.

Владик медленно вышел из зарослей на поляну, не сводя глаз с единорога. Зверь почти сразу же заметил его, поднял голову, но сбежать не попытался. Он спокойно стоял на месте, и наблюдал за тем, как человек приближается к нему медленным шагом. Владика подумалось, что единорог, вероятно, никогда прежде не видел людей, и потому не испытывает перед ними подобающего страха.

Подбираясь к зверю крошечными шажками, Владик вскоре приблизился к нему настолько, что мог, протянув руку, коснуться кончика рога. И что-то подсказывало ему, что если он попытается погладить животное, оно отнюдь не станет возражать. В сказках единороги подпускали к себе только девственниц, но этот конкретный либо не читал сказок, либо был не слишком принципиальным.

Владик сделал еще один шаг вперед. Единорог не сдвинулся с места. Медленно подняв руку, и боясь неосторожным резким движением спугнуть животное, Владик коснулся пальцами его лба. Единорог смотрел на него своими огромными голубыми глазами, полными абсолютного доверия. Он будто бы был уверен, что это незнакомое существо не причинит ему вреда.

И в этот момент из зарослей на поляну выступил Цент. Он подкрадывался к единорогу сзади, держа в руках огромную дубину, которая больше напоминала ствол небольшого дерева. У Владика душа сжалась в комочек, когда он понял, что сейчас произойдет. Его так и подмывало спугнуть единорога, спасти ему жизнь, но цена этого поступка была слишком высока.

– Прости, – глотая брызнувшие из глаз слезы, простонал Владик.

Цент был уже на расстоянии удара. Он забросил бревно на плечо, затем поднял его над головой, и обрушил свое ужасное орудие на спину единорогу. Страшный удар буквально размазал чудесного зверя по земле. Из пасти единорога вырвался чуть слышный хрип, а следом за ним кровавая пузырящаяся пена. Владик, не сдерживаясь, ревел в голос, глядя на агонию единорога, а Цент, отбросив сослужившую добрую службу дубину, выхватил из-за пояса топор.

– Мясо! – прорычал он, расплывшись в сатанинской улыбке.

Он прижал конвульсивно дергающееся тело единорога коленом к земле, занес топор, и одним могучим ударом перерубил зверю шею. Кровь брызнула на траву, обагрила белоснежную шкуру и гриву. Владик закрыл лицо руками и отвернулся, не желая наблюдать этот кошмар.

– Очкарик, хватит реветь! – прикрикнул на него Цент. – Живо дуй в лес за дровами. Мне буквально не терпится вкусить свежей конины. Да и ты, я думаю, не откажешься.

Когда Владик вернулся на поляну с охапкой хвороста, единорог уже был пущен на мясной ряд. Цент действовал варварски – срезал только самое лучшее мясо, а остальную тушу бросил гнить. Ну и еще отломал рог, который попытался презентовать Владиду.

– На, держи, тебе сувенир, – сказал он, протягивая рог программисту.

– Мне не надо, – отказался Владик.

– Ну, смотри. Я ведь могу обидеться, и больше ничего тебе не подарю.

Владик попытался припомнить, когда Цент дарил ему что-то хорошее, и не смог. Не потому, что память подвела, а потому, что такого никогда не случалось.

Жареное мясо единорога пахло восхитительно, да и вкус у него оказался отменный. Но после сцены зверского убийства несчастного доверчивого зверя, Владиду кусок в горло не лез, и он почти ничего не съел. В отличие от Цента, который в трапезном пылу усидел не менее трех килограмм дичи.

– Черт! А эта лошадка недурна! – поделился ощущениями он. – Совсем другое дело, нежели снежный человек. Если в этом мире водятся такие вкусные животные, то он небезнадежен.

Владик никак не отреагировал на эту реплику свирепого мясоеда. Он пребывал в подавленном состоянии, и все никак не мог отделаться от мысли, что стал невольным соучастником страшного злодеяния. Не будь это вопросом жизни и смерти, он бы, пожалуй, попытался спасти единорога, спугнул бы его, заставил убежать. Конечно, получил бы за это от Цента, но зато прекрасное животное, словно вышедшее напрямиком из сказки, осталось бы живо.

Заметив, что программист мрачен и угрюм, Цент сказал:

– Не больно-то ты рад своему спасению. На месте рогатой лошадки мог оказаться ты.

– Это не лошадка, – пробормотал Владик. – Это единорог.

– А мне все едино – лошадь, единорог, программист. Главное, чтобы оно состояло из мяса.

– Так жалко его, – всхлипнул Владик. – Он был такой доверчивый. Не убежал, когда я подошел. Даже позволил себя погладить.

– Удивительно, как он дожил до сего дня со столь притупленным инстинктом самосохранения, – пожал плечами Цент. – Это, Владик, тебе наука. Никому не доверяй. Помни – пока один тебя по головке гладит, другой сзади с дубиной подкрадывается. Такова уж она, жизнь.

Когда закончили трапезу, Цент, глянув на небо, принял решение продолжить путь.

– Еще час будет светло, – сказал он. – Пойдем дальше, авось набредем на цивилизацию. Если нет, где-нибудь там заночуем.

Владик сложил в свою футболку несколько кусков жареного мяса, которые решено было взять про запас. Цент пучком травы счистил с лезвия секиры кровь, и сунул оружие за пояс.

– В путь! – скомандовал он. – Мясом разжились, даст бог, и без пива не останемся.

Вновь потащились через лес, стараясь ориентироваться по солнцу, которое иной раз проглядывало сквозь кроны деревьев. Владик был мрачен и подавлен, зверское убийство доверчивого единорога произвело на него сильное впечатление. Этот акт жестокости стал лишним напоминанием о том, в какой прекрасной компании он путешествует. Разумеется, Владика доводилось видеть в исполнении Цента и более страшные выходки. Например, он многократно наблюдал, как тот убивал людей без всякой уважительной причины. Особым терзаниям подвергались бывшие полицейские и те несчастные, кто имел неосторожность недобрым словом помянуть девяностые в присутствии Цента. После этого их уже ничто не могло спасти.

Но, тем не менее, единорога все равно было очень жалко. И Владик невольно вспомнил слова темных богинь о том, что люди по своей природе жестокие разрушители, стремящиеся уничтожить все вокруг себя. Сам-то Владик таким не был, а вот Цент под это описание подходил полностью. Этот изверг будто бы видел смысл своей жизни в том, чтобы сеять смерть и ужас, убивать людей и животных, ввергать в муки чудовищными пытками и откровенно наслаждаться всем этим. Возможно, темные боги были в чем-то правы, когда пожелали уничтожить род людской. Всего два человека проникли в возрожденный ими мир, и один из них уже начал творить злодеяния. Ну, ладно горный тролль, тот, пожалуй, заслужил. Но вот единорог стал полноценной невинной жертвой. Лютую смерть принял, а потом еще и съеден был.

– Что ты, Владик, приуныл? – спросил Цент, обратив внимание на то, что его спутник глубже обычного погряз в пучине депрессии.

– Единорога жалко, – признался тот.

– Ну, очкарик, у тебя был выбор. Мог бы предложить на ужин вместо рогатой лошадки себя. Но ты цинично захотел жить. Поэтому не надо изображать эту фальшивую скорбь. Если ты так любишь животных, спасай их ценой своего мяса, а не моего голодания. Я свежим воздухом питаться не могу. Кто-то в любом случае будет съеден. А уж кто, ты, или иная скотина, решай сам.

Как ни велика была скорбь Владика по убиенному единорогу, но себя он все-таки любил несколько больше, чем даже самых экзотических и милых зверюшек.

– Наверное, ты прав, – признал программист. – Нам надо чем-то питаться.

– Вот! – обрадовался Цент. – Наконец-то! Речь не девочки, но мальчика. Пойми, Владик, так устроена жизнь: кто-то ест, а кого-то едят. Все это происходит не со зла, а в силу естественных законов природы. Если бы на здешних дубах росли бананы, я бы кормился ими. Но на дубах растут желуди, а я еще, слава богу, в свинью не превратился. Посему приходится добывать себе пищу иными путями, той же охотой. Да и давай взглянем правде в глаза – эта лошадка все равно не протянула бы долго. Нельзя быть такой доверчивой и живой одновременно. Не мы, так другие бы воспользовались ее непростительной беспечностью. И даже хорошо, что это были мы. По крайней мере, лошадка не страдала перед смертью. А окажись на нашем месте

живодеры, или, не дай бог, зоофилы, они бы ее мучили и пытали. Столько злых людей на свете, просто ужас!

Владик отнюдь не считал, что единорогу сильно повезло. Животное выглядело взрослым, и, похоже, не имело никаких естественных врагов, раз до сих пор не было съедено при своем покладистом нраве. Да и смерть несчастной скотины трудно было назвать легкой. Быть убитым огромным бревном – такого и врагу не пожелаешь. Ну, разве что чрезвычайно нелюбимому врагу.

Когда над кронами леса стало темнеть, Цент начал присматривать место для ночлега. В принципе, можно было улечься где угодно, поскольку на равнине оказалось гораздо теплее, чем в горах, и разводить костер на ночь не требовалось. К тому же Владик уже успел зарекомендовать себя никудышным хранителем огня, который, в любом случае, наплюет на свои служебные обязанности, и обязательно забудется преступным сном. Так что в разведении костра Цент особого смысла не видел. Не самому же за ним всю ночь следить. А спать, в таком случае, когда? Программиста же сколько ни воспитывай по почкам, все как с гуся вода. Чувство ответственности ему глубоко чуждо.

– Пора бы уже где-нибудь приткнуться, – вслух озвучил свою мысль Цент.

Владик был рад скорому отдыху. За день он порядком устал и натерпелся страха. Одна переправа через реку чего стоила. Да еще произошедшее на его глазах злодейское убийство единорога подкосило его морально. Хотелось хорошенько выспаться, и встретить новый день полым сил и надежд на лучшее. Надежд пустых и беспочвенных, ибо лучшему взяться было неоткуда, но все же теплящихся в душе.

В итоге Цент понял, что поиск удобного места для ночлега, это пустое занятие, и скорее наступит ночь, чем он принесет свои плоды. Остановившись, бывший рэкетир огляделся по сторонам, указал на огромный дуб, своей кроной закрывавший значительную площадь, и командовал:

– Туда!

В основании дубового ствола бугрились неимоверно толстые, выпершие из земли, корневища. Они образовывали своего рода естественное укрытие, не слишком надежное, но дающее хотя бы иллюзию защищенности.

– Здесь заночуем, – решил Цент.

– Собрать дрова? – с готовностью вызвался Владик, которому ужасно не хотелось коротать ночь в полной темноте. Сегодня он даже готов был честно следить за огнем до самого рассвета.

– Не надо никаких дров, – отмахнулся Цент, и уселся на землю под деревом. – И так не холодно.

– А если вдруг ночью к нам придут дикие звери? – содрогнулся Владик. – Или кто-нибудь еще.

Говоря о ком-нибудь еще, Владик имел в виду потусторонние сущности демонического характера, всяких ужасных монстров не от мира сего. Ну а почему бы им не быть в этом мире? Тролли же есть. А где тролли, там и до призраков недалеко.

– Какие тут звери водятся, ты уже видел, – зевнув, произнес Цент. – Помнишь снежного человека? Что-то я сомневаюсь, чтобы этакого гоминида отпугнул обычный костер. Тут огнет нужен. Потому, я считаю, что от костра будет больше вреда, чем пользы. Его ведь могут заметить издалека, учуять дым. Незачем сообщать всем вокруг, что мы тут.

– А если сюда явится кто-нибудь другой? – предположил Владик.

– Другой? – удивился Цент.

– Не зверь.

– Человек, что ли? Сам же плакался, что в этом мире нет людей.

– Нет, не человек.

– Так, очкарик, прекращай говорить загадками, иначе я тебе тоже одну загадаю. Например, такую: кто утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером под себя?

– Я имею в виду сверхъестественные сущности, – тихим трусливым шепотом сообщил Владик.

– Это еще кто такие?

– Ну, всякие призраки, демоны....

– Тебе будто пять лет, – бесцеремонно прервал собеседника Цент, и насмешливо добавил. – Взрослый лоб, а веришь в какие-то детские сказки.

– Но ведь мы ничего не знаем об этом мире, – сказал Владик. – Вдруг то, что было сказкой прежде, здесь стало былью? Мы же видели тролля и единорога. Они тоже сказочные. Но здесь они реальны.

– Во-первых, прекрати обзывать троллем обычного снежного человека. Во-вторых, прекрати обзывать единорогом пони-мутанта. У тебя просто слишком богатое воображение и слишком трусливая душонка. И еще, я хочу дать тебе добрый совет на сон грядущий. Если тебе, после разговоров о призраках, вдруг приснится кошмар, и ты, начав орать, разбудишь меня, то поверь – мало тебе не покажется. Так отделаю, что ты мечтать станешь о том, как бы тебя скорее утащили потусторонние сущности. Лучше всего, перед сном набей себе рот хвоей. Или еще чем-нибудь. Делай что хочешь, но до утра я не должен услышать ни единого звука в твоём исполнении. Ясно?

– Да, – уронив голову, ответил Владик.

– Раз ясно, то ложись и спи. Завтра тебя ждет трудный день.

Владик поверил суровому товарищу. Легких дней у него уже давненько не случалось.

Цент развалился на ворохе сухих листьев и довольно быстро захрапел. Его не терзал страх перед неведомым, он не боялся появления диких зверей, ужасных монстров или сверхъестественных представителей мира непознанного. Владик, устраиваясь неподалеку от спутника, счел, что бесстрашие Цента имеет вполне конкретное основание. До сих пор все те, с кем сталкивался на жизненном пути изверг из девяностых, страдали неизмеримо больше, чем он сам. Неважно, кто это был: люди, монстры, даже боги. Всем им встречи с Центом обходились очень дорого. Кто поплатился за это здоровьем, кто жизнью. А сам маньяк из девяностых даже хромать не начал: жив, здоров, готов и дальше истязать все живое и не очень, что встанет у него на пути.

Владик прилег на землю, прикрыл глаза и попытался отрешиться от терзающих его страхов. Рассудил здраво – если уж с ним и произойдет этой ночью что-то ужасное, он, в любом случае, не в силах этому помешать.

Утешив себя подобным сомнительным образом, Владик уснул, утомленный долгим и трудным днем.

Глава 5

Разговоры о призраках и прочей потусторонней жути не прошли даром. Едва Владик сомкнул веки, как тотчас же с головой погрузился во вселенную ночных кошмаров. Та встретила его как родного. Что-то темное и жуткое подбиралось к нему из мрака, кто-то страшный до ужаса зловеще дышал в затылок, обдавая жертву несвежим выхлопом. Владик ворочался на голой земле, тихонько стонал и всхлипывал, а когда таинственный монстр приобрел знакомые очертания выходца из девяностых, он не выдержал накала ужаса и проснулся.

Распахнув глаза, потный и дрожащий Владик долго не мог понять, где он находится. Вокруг было темно. Плотная дубовая крона полностью блокировала звездный свет. Владик сел, слыша справа от себя могучий храп здорового и наглого существа, в котором опознал своего сурового спутника. Цент спал как у себя дома, наплевав на все опасности чужого мира.

Владик снова лег на землю. Он прислушался к таинственной тишине ночного леса, и поежился. Даже в обычном лесу было опасно, а здесь вообще можно было встретить что угодно, любого монстра, любую фантастическую тварь, одержимую злом и голодом. Это был чужой мир. И они двое были в нем инородными телами, уцелевшими вопреки воли темной богини.

Вдруг где-то рядом негромко хрустнула сухая ветка. Владика бросило в пот и ужас. Он резко сел, чувствуя панический страх перед неведомым. Первым его порывом было растолкать Цента – тот хоть и свинья великая, но умеет дать отпор враждебно настроенным существам. Однако затем Владик решил не пороть горячку. Если тревога окажется ложной, и Цент будет разбужен напрасно, он этому не обрадуется. А уж его будильник и подавно.

Владик прислушался, напряженно вглядываясь в окружающую его тьму. Но больше он ничего не услышал и не увидел. Постепенно программист успокоился. Ветка необязательно хрустнула под чьей-то когтистой лапой. Могла и сама по себе. Мало ли.

Он снова лег на землю и попытался заснуть. Сон был ему необходим. Завтра снова будет трудный день. Опять предстоит тащиться через лес. Хотя куда и зачем они идут, Владик не понимал. Нет в этом мире людей. Нет, и все тут. А есть бесчисленные чудовища, почитающие людей за деликатес.

Владик уже почти провалился в сон, когда его слух зафиксировал рядом негромкое шуршание. Он снова сел, не пытаясь унять бешено колотящееся в груди сердце.

– Кто здесь? – тихо спросил Владик.

Ответа не последовало.

Цент всхрапнул громче обычного, затем что-то забормотал сквозь сон. Владик расслышал слова: «убью», «покалечу», «на вертел его». Вскоре те сменились ровным здоровым храпом.

И вновь Владик не решился разбудить своего спутника. Посидев и подождав, но более ничего не услышав, он лег на землю и, плюнув на все, решил спать и не париться. В конце концов, если сюда и пожалуют монстры, он все равно не сумеет помешать им слопать себя. И преисполнившись фатализма, Владик погрузился в сон, который продлился до утра и был прерван довольно грубо.

В роли будильника выступил крупный, с кулак размером, желудь, прилетевший извне прямо Владiku по лбу. Программист подскочил, распахнул глаза, и тут же заскулил, потирая ушибленную голову. На лбу стремительно наливалась крупная шишка.

– Здоров ты, очкарик, спать, – прозвучал поблизости неодобрительный голос Цента. – Тебе дай волю, ты бы до полудня глаз бесстыжих не продрал.

Владик с обидой покосился на Цента. Хотел сказать – ну не продрал бы, и что? Опоздаем мы, разве, куда-то? Но вместо этого благоразумно промолчал. Он по личному опыту знал,

что дерзить Центу все равно, что войти в клетку с голодными львами. Притом львы загрызут быстро, а Цент растянёт истязание на часы, дни или даже недели.

Над лесом вошло солнце. Его лучи пробивались сквозь кроны деревьев. Цент встал, потянулся с громким хрустом немолодых суставов, и побрел в кусты. На ходу он бросил Владиду:

- Накрывай на стол, прыщавый. Позавтракаем, и в путь.
- В путь куда? – спросил Владик с отчаянием.
- Туда, где лучше, чем здесь.

Цент скрылся в зарослях, а Владик, поднявшись, и охнув от резкой боли в пояснице, подошел к корням дуба, под которыми вчера вечером оставил свою футболку с жареным мясом единорога. Наклонился, чтобы извлечь ее из тайника, и застыл в изумлении. Футболки не было.

Вначале Владик решил, что просто перепутал место, и принялся осматривать корневища в поисках их импровизированной сумки. Та была не иголка, да и ее яркий цвет хорошо выделял ее на фоне сухой листвы и серых корней. Точнее, должен был выделять. Но Владик, сколько ни искал, не мог обнаружить ее.

Он обошел весь дуб по кругу, обшарил все его корни, но футболки не было. Она исчезла. Владик прекрасно помнил, как и где он сам лично положил ее вчера. И с тех пор никуда не перемещал. То есть, это сделал кто-то другой.

Первым делом Владик подумал на Цента. Подобное было вполне в его духе. Изверг был подвержен приступам ночного жора и мог втихаря приговорить мясо. Но где же, в таком случае, футболка? Ее ведь Цент съесть не мог.

– Что ты водишь хоровод вокруг дуба? – услышал Владик голос своей божьей кары. – Завтрак готов? Если нет, я расстроюсь, а ты расплачешься.

Владик застыл на месте, не зная, что делать и говорить. Даже если мясо сожрал Цент, не факт, что тот признается в ночном перекусе. С него станется обвинить в пропаже завтрака Владика. Но все будет куда хуже, если мясо взял кто-то другой. Кем мог быть этот таинственный похититель, Владик себе не представлял. Какой-то зверь, привлеченный манящим запахом. Тут Владик вспомнил, что среди ночи ему слышались какие-то звуки. Не сопровождали ли они процесс похищения завтрака?

Цент подошел к дубу, уселся на один из выгнутых дугой корней, и повелел:

– Подать мне кушанья!

Произнес это с интонациями верховного повелителя, каковые укоренились в его привычке за время княжения в Цитадели. В этом последнем оплоте цивилизации Цент установил жесткую диктатуру, направленную на единую благородную цель – удовлетворение его, Цента, желаний. Там у него было множество слуг, готовых исполнить малейший каприз вождя. Ныне Цент лишился трона, но старые замашки уцелели. Благо у него еще оставался один раб.

Владик не сдвинулся с места, только судорожно сглотнул ставший в горле ком.

Цент сурово взглянул на него и спросил:

– Очкарик, ты оглох или тебя парализовало? Тащи мясо. Пожрем и в путь.

Владик попытался объяснить, что мяса нет, что оно таинственным образом исчезло, но не сумел выдать из себя ни звука.

Все это закономерно привело Цента в состояние легкого бешенства.

– Да ты, я вижу, совсем от рук отбил, – сделал вывод он. – Два дня погулял на воле, и вконец обнаглел. Владик, этот мир, может быть, и новый, да только ты прежний, тот же лох, что и был всегда. Даю тебе последний шанс. Вот сейчас без шуток последний. Или ты приносишь мне мясо, или в этом лесу разразится душераздирающая трагедия.

По щекам Владика заструились слезы. Он успел неплохо изучить своего спутника, и прекрасно видел, что это не Цент съел мясо среди ночи.

Князь в отставке вспылел:

– Да я же сейчас пришибу тебя, гниду очкастую! Вот те крест! Бог свидетель – поломаю об колено вдоль и поперек. Живо тащи мне мясо! Только мне. Ты сегодня не жрешь. Наказан за дерзость. Отлучаю тебя от калорий на три дня и три ночи.

И опять не последовало никакой реакции. Владик стоял и беззвучно плакал, мысленно прощаясь с жизнью.

– Ну, как знаешь, – сквозь зубы процедил Цент, одарив его кровожадным взглядом. – Сам напросился. Потом не жалуйся.

Он поднялся с корня и подошел к тому месту, где Владик минувшим вечером спрятал свою футболку с запасом провизии. Заглянув в тайник, Цент увидел там сухие листья и россыпь крупных желудей. И больше ничего.

Медленно повернувшись к Владиду, он спросил:

– Куда ты перепрятал мясо?

Губы Вадика дрогнули. Он чуть слышно вымолвил:

– Его больше нет....

– Кого больше нет? – не понял Цент. – Стыда? У тебя его никогда и не было. Уже два года я забочусь о тебе, неблагодарная свинья, а что получаю взамен? Одни плевки в душу. Отвечай, мерзавец, куда ты перепрятал мой завтрак!

– Я его не прятал, – давясь слезами, выдавил из себя Владик. – Он... он...

– Ну! Что – он? Телись быстрее!

– Он исчез.

– Да кто исчез? О ком ты?

– Завтрак.

Цент явно не понимал его, или не хотел понимать.

– Владик, что-то ты уже заговариваться начал, – произнес он мягче. – А я ведь тебя предупреждал – сидение за компьютером тебе еще аукнется. Вот они, пагубные последствия – маразм в тридцать пять. Но ты уж соберись с мыслями, и вспомни, куда мое мясо перепрятал. Потому что не смешно это все.

– Его украли! – выпалил Владик.

– Кого украли?

– Мясо.

Цент покачал головой.

– Как это – украли? О чем ты говоришь?

– Я проснулся, а его нет, – всхлипывая, поведал Владик.

Цент пристально посмотрел на него, а затем тихо спросил:

– Подожди, так ты не шутишь?

Естественно, Владик не шутил. Ему бы и в голову не пришло разыгрывать Цента. Особенно в столь болезненном вопросе, как еда.

– То есть, мяса нет? – прямо спросил Цент.

Владик утвердительно кивнул головой, одновременно думая о том, какую короткую и несчастливую жизнь он прожил. Точнее говоря, она была не так уж и плоха, его жизнь, но лишь до того дня, как судьба свела его с Центом. А вот после начался суший ад.

Цент несколько секунд потрясенно глядел на Владика, словно был не в силах переварить это страшное известие, а затем его лицо налилось краской гнева, и он жутким гласом пророкотал:

– Это ты его сожрал!

Владик как чуял, что окажется крайним.

– Нет, я этого не делал! – разрыдался он, лихорадочно мотая головой.

Цент шагнул к нему и сжал кулаки.

– Ты его сожрал! – повторил он. – Проснулся среди ночи и объел меня. Вон, у тебя и лицо лоснится от жира. Даже умыться не потрудился.

Лицо у Владика действительно лоснилось, только не от мясного жира, а от собственного пота и налипшей грязи. Вчера он несколько часов ломился по лесу, а душ перед сном принять не сложилось.

– Я его не брал! – закричал Владик. – Клянусь!

– Чем? Чем ты можешь поклясться? У тебя ничего нет: ни баксов, ни чести!

– Мясо украл кто-то другой.

– Нет, Владик, не оправдывайся. Я уже распутал клубок твоих грязных преступных интриг. Ты сделал это нарочно, чтобы заставить меня страдать на голодный желудок. И это после того, как я спас тебя от гоминида. Ну, ты и гнида!

Цент поднял с земли свою секиру, проверил пальцем остроту лезвия, и проронил:

– Ты не оставил мне выбора.

Владик упал на колени и закричал в полнейшем отчаянии:

– Но я его не брал! Я что-то слышал среди ночи....

– Собственное чавканье?

– Нет, что-то другое.

– И почему же ты не разбудил меня?

– Я просто подумал, что это какая-то мелкая живность.

Цент застыл над ним, поигрывая топором. Владик трясся от ужаса, понимая, что жизнь его висит на волоске.

– Мне хочется верить тебе, очкарик, – проронил Цент. – Хочется, но не получается. Это ты сожрал мясо, не отрицай.

– Нет! – закричал Владик, не зная, как оправдать себя перед безжалостным и голодным спутником.

– Есть только один способ выяснить правду, – сказал Цент.

– Провести тщательное расследование и собрать улики?

– Нет, Владик. Улики штука ненадежная. Вскрытие лучше.

– Кто? – ужаснулся Владик.

– Вскрытие.

– Чье вскрытие?

– Единственного подозреваемого. Мясо еще не успело перевариться в твоем бессовестном желудке. Оно все еще там.

– Но я же умру! – взвыл Владик.

– Давно уже к этому шло.

– А если выяснится, что я не виноват?

– Принесу тебе мои глубочайшие извинения, – пообещал Цент. – А теперь ложись на землю и расстегивай куртку.

Владик как был, на коленях, пополз от Цента. Тот шел за ним, поигрывая топором и не спуская с жертвы полного злобы взгляда.

– Ты, очкарик, не волнуйся, я о тебе позабочусь, – грозился Цент, наступая на него неминуемой смертью. – Не дам пропасть ни душе твоей грешной, ни мясу. Закажу панихиду, как дойду до первой церкви. А поминки устрою прямо сейчас.

– Давай не будем этого делать! – взмолился Владик. – Я ведь не виноват. Тебе после этого будет совестно.

Но говоря это, он понимал – нет, не будет. Если у Цента и была совесть, он уже давно ею не пользовался.

Казалось, топор вот-вот упадет на его голову, но вдруг Цент остановился, и уставился куда-то себе под ноги. Владик невольно опустил взгляд, и обмер. Перед ним, на голом клочке

земли, красовался четкий отпечаток крупной лапы какого-то зверя. Притом, даже не являясь следопытом, Владик как-то сразу понял, что отпечаток свежий, и оставлен не далее, как минувшей ночью.

Цент присел перед следом на корточки и осмотрел его внимательнее. Владик тоже смотрел. И чем дальше смотрел, тем больше ему казалось, что он наблюдает след обычной кошащей лапы. Только вот котик этот был очень-очень крупным.

– Интересно, – произнес Цент задумчиво.

– Что? – заискивающе спросил Владик.

– Похоже, какая-то четвероногая падла побывала здесь прошлой ночью.

– Наверное, этот зверь и утащил мясо, – быстро сказал Владик.

– А не ты ли его сожрал?

Владик трижды перекрестился и поклялся самой жизнью, что не притрагивался к запасам провизии. И Цент не стал настаивать на своем обвинении. Кажется, он уже понял, что подлинным злодеем является какое-то животное, во тьме пробравшееся в их лагерь.

– Я только одного не понимаю, – сказал он.

– Чего? – спросил Владик.

– Почему этот зверь не попытался нас загрызть. Судя по отпечатку лапы, скотина немаленькая. Ну, меня он мог и испугаться, я мужчина крупный и конкретный. Но что помешало ему сожрать такого заморыша, как ты?

– Возможно, ему хватило мяса, – предположил Владик.

– Ага, хватило, – мрачно бросил Цент. – Пока хватило. И его он уже съел. После чего вскоре вновь проголодается. Смекаешь, к чему я веду?

Владик побледнел. Он все понял.

– Оголодавший хищник вернется за нами, – прошептал он в полнейшем ужасе.

– Вот именно, – кивнул Цент. – Так что давай опередим его.

– Это как?

– Посуди сам: ты хилый, слабый, тебе не отбиться от зверя. Он утащит тебя в лес и сожрет. Давай поступим следующим образом – я сам съем тебя, наберусь сил, и когда явится хищник, сумею дать ему достойный отпор.

Владика начало трясти. Что так, что этак, а Цент упорно не желал отказываться от намерения помянуть его на углях.

– Вдвоем у нас будет больше шансов, – пропищал он.

– В каком-то смысле мы и будем вдвоем, – сказал Цент.

– Но на полный желудок тебе будет тяжело драться со зверем.

Этот довод заставил Цента призадуматься.

– А ведь ты, пожалуй, прав, – согласился он неожиданно. – Лучше отложить барбекю до победы над вероломной тварью. Прикончим ее, а после отметим триумф плотным мясным ужином.

– Но ведь тогда можно будет съесть зверя, – пискнул Владик.

– Вечно у тебя одни отговорки! – рассердился Цент. – Мне начинает казаться, что ты нарочно надо мной издеваешься.

– Я просто хочу жить, – не кривя душой, признался Владик.

– Если бы ты действительно этого хотел, то не спал бы прошлой ночью так крепко.

Цент выпрямился и засунул топор за пояс.

– Ладно, идем, – решил он. – Нечего тут задерживаться. Пока этот ночной вор не вернулся и не попытался меня съесть.

– И меня, – подхватил Владик.

– Тебя в обиду не дам. Только чуть какая опасность, сразу зарублю и потреблю. Ничего не бойся, Владик. Ты в надежных руках.

Владик и так ничего не боялся – ни хищных зверей, ни сказочных монстров. Это было ни к чему. Главный источник страха и ужаса всегда находился рядом с ним.

Они вновь побрели через дебри, предположительно, в противоположную от реки сторону. Хотя на деле невозможно было сказать, куда именно они движутся. Лес выглядел однообразным и безнадежно диким. Зато сегодня он заиграл для Владика новыми красками. Если вчера программист опасался гипотетических монстров, которые то ли водятся здесь, то ли нет, то теперь его страх обрел конкретный материальный базис. Как минимум одно опасное существо обитало на этих землях. Ну, то есть, два, если считать и Цента, а его стоило считать. И еще одно, помимо изверга из девяностых. Какой-то крупный хищник, умыкнувший среди ночи их запас жареного мяса. Да только надолго ли ему хватит тех нескольких ломтей? Так, на один зуб. Только аппетит раздразнит. И отправится за добавкой.

Весь день Цент был зол, как черт. Он крайне болезненно переживал пропажу мяса, и искал, на ком бы отыграться за свое кормовое воздержание. Искал, и находил. Воздать по заслугам подлинному виновнику было невозможно, зато под рукой всегда оказывался Владик.

– Как можно было объесть своего князя? – возмущался Цент, бросая на спутника полные ярости взгляды. – Своего наставника и защитника. И ведь не стыдно же. Идет себе, улыбается. Хоть бы что-то дрогнуло в душе, хоть бы одна струнка совести. Куда там! Откуда у него совесть-то, у программиста?

– Но я ведь не брал твоего мяса, – напоминал Владик.

Цент на какое-то время успокаивался, но затем вновь начинал злобно коситься на спутника и бормотать:

– Пригрел змеюку на груди! Два года я не давал ему сдохнуть, а как мне этого хотелось! – господь свидетель, я едва сдержался. И вот она, благодарность. Отплатил, так отплатил. Показал себя во всей красе. Проснулся среди ночи и сожрал все мясо. Вообще подмел подчистую. Ну, взял бы кусочек, ну, два. Нет, куда там! Он все сожрал! Ненасытная утроба! Да будет ли управа на этого злодея? Чья-то благородная рука должна положить конец бесчинствам очкарика.

Цент потащил из-за пояса секиру. Владик взвыл:

– Да не брал я мяса! Не брал!

Возвратив топор на место, Цент буркнул:

– Не брал он. И что? Можно подумать, тебя, кроме этого, и убить не за что. Поглядите на этого ангелочка. Я вот припоминаю то да се, и многое уже накопилось. Ума не приложу, почему ты до сих пор жив. Этаким мерзавец, и живой. А я-то куда глядел? Как допустил твое существование? Проморгал. И поплатился за это. Просыпаюсь поутру, а мяса нет....

– Боже мой! – разрыдался Владик, почуявший, что Цент неизбежно накрутит себя, и тогда в лесных дебрях точно разыграется кровавая трагедия. – Да не брал я его!

– Может, и не брал, – проворчал Цент. – Но мог взять. Кто-то тебя опередил. А не случись того вора, ты бы сам постарался. Я тебя насквозь вижу. Я еще вчера заметил, как ты на мясо поглядывал. Мне уже тогда захотелось тебя прибить. Почему я этого не сделал? Что удержало? Вот так оплошаешь, а потом локти грызешь. А ведь мне словно ангел-хранитель сытости нашептывал – замочи очкарика, замочи очкарика. Не прислушался. А теперь страдаю.

Владик тоже страдал, и куда сильнее голодного спутника. Весь день над ним довлела угроза эвтаназии топором. Лишь чудом Цент не перешел от слов к делу, и Владиду удалось дотянуть до заката. Но он не спешил радоваться. Он понимал – впереди ночь, длинная и голодная. А Цент терпеть не мог засыпать на пустой желудок.

За этот день им так и не удалось обнаружить ничего съестного. Мелкая живность была слишком проворна, а здешние растения не порадовали своими вкусовыми качествами. Цент насильно скормил Владиду кучу разных трав и листьев, и все они оказались совершенно несъедобными.

На ночлег остановились, когда окончательно выбились из сил. Цент тяжело опустился под дерево, оперся о ствол спиной и приказал:

– Собирай дрова.

Владик захныкал, решив, что Цент собирается приготовить его на ужин.

– Хватит реветь! – прикрикнул тот строго. – Как только соберусь тебя слопать, то сообщу об этом прямо. Я не какой-то там лживый двуличный негодяй. Я негодяй честный, открытый. Собирай дрова, и поживее. Разожжем костер.

– Зачем? – спросил отупевший от усталости и страха Владик.

– Затем, бестолочь, чтобы этой ночью нас не уволокли следом за мясом.

– Думаешь, хищник все время шел за нами? – испугался Владик.

– Надеюсь, что нет. Но на всякий случай выставим стражу. До полуночи караулишь ты, а после полуночи тоже ты.

Владик зачем-то задал глупый вопрос:

– А когда же мне спать?

– Потом, – неопределенно ответил Цент.

Владик понял, что обещанное «потом» никогда не наступит. Его ждет бессонная ночь, а завтра он, вероятнее всего, протянет ноги от усталости.

И, тем не менее, он собрал валежник и разжег костер спичками, которые Цент швырнул ему. Сам бывший рэкетир так устал, что не имел сил оторвать зада от земли.

– Как рассветет, разбуди, – пробормотал он, валясь на сухую листву, после чего почти сразу же захрапел.

Владик остался сидеть у костра, тараща в огонь слипающиеся глаза. Он пытался бороться со сном, но сразу понял, что эту битву ему не выиграть. Да и зачем пытаться? Все кончено. Они уже проиграли. Это чужой мир, мир без людей, воссозданный темной богиней по лекалам невообразимо далекого прошлого. Им здесь не выжить. До них доберутся или дикие звери, или монстры. Да и сама Марена тоже где-то здесь. А у нее прямо-таки огромный зуб на их парочку. Цент перебил ее дочек, а он, Владик, пойдет как соучастник. И что-то подсказывало ему, что обычным убиением Марена не ограничится. Уж она найдет способ заставить двух людишек страдать бесконечно долго и бесконечно страшно. При таком раскладе лучше уж сгинуть быстро и самому, чем угодить в лапы к воплощению зла.

С этой мыслью Владик прекратил борьбу со сном и тотчас же провалился в него, как в бездонный колодец. Ему было абсолютно все равно, что будет дальше. Цент ли прильет его поутру, дикий ли зверь загрызет среди ночи. Плевать! У него все равно нет будущего в этом мире.

Глава 6

Словно в утешение за мрачные думы ему приснилось нечто приятное. Давненько такого не было. Последние года два Владiku являлись во снах исключительно сочные, доводящие до безумия, кошмары, где целые сонмы монстров во главе с Центом зверски терзали его несчастную душу. Он уже даже привык к ним, и почти не пугался. Ну да, опять пришли какие-то с целью умучить и сожрать. Не они первые.

Но в этот раз все обстояло иначе. Ключевая странность посетившего его сна состояла в том, что Владик сразу понял, что спит. Обычно такого не происходило, и сон воспринимался реальностью до самого последнего момента. Тут же Владик с первой секунды получил ясное представление о происходящем. Да, он спал. И это осознание заметно успокоило и ободрило его. Сон это всего лишь сон. Во сне его не съедят. Поэтому все дальнейшее Владик воспринимал достаточно спокойно.

Он очутился на узкой тропинке, извилистой лентой протянувшейся сквозь густой ночной лес. По сторонам от нее черными стенами вставали плотные ряды деревьев. Тропинка освещалась звездным светом, но тот был столь ярк, что Владик различал каждую травинку и каждый листик. Но только на тропе. Лес по сторонам от нее оставался черен и непроницаем.

Владик некоторое время в нерешительности топтался на месте. Он по привычке испугался, но затем вспомнил, что спит, и его отпустило. Бояться было нечего. Разумеется, если из дебрей внезапно выскочит монстр и напугает его до икоты, будет неприятно. Но испуг был худшим из того, что с ним в принципе могло произойти.

И Владик побрел по тропинке, догадываясь, что та появилась здесь не случайно и куда-то его да выведет. Поначалу было жутковато идти по узкой тропке мимо черных зарослей, но поскольку никто так и не попытался наброситься на него из засады, Владик приободрился. Он поглядывал на небо, и видел там удивительно крупные и яркие звезды, вдвое, а то и втрое больше обычных. Те сверкали и горели сотнями огней, так что Млечный путь напоминал повисшую в небе новогоднюю елку.

С каждым шагом Владик все более проникался уверенностью в том, что ничего плохого с ним не произойдет. Это место было странным, но оно не таило в себе угрозы. А еще у него возникло предчувствие, что впереди его ждет нечто хорошее. То было настолько сильным, что он даже ускорил шаг, торопясь скорее достигнуть неведомой цели.

Когда тропинка сделала очередной поворот, Владик заметил впереди красноватый свет, и понял, что это костер, горящий посреди большой поляны. Но он не испугался. Владик чувствовал, что ему нечего бояться. Если у этого костра его и поджидают, то отнюдь нет с кровожадными намерениями.

Он осторожно вышел на поляну. Та была велика, а ее идеально круглая форма слегка обескуражила Владика. В центре поляны, поросшей мягкой зеленой травкой, высились какие-то столбы. Те стояли полукольцом, а между ними полыхал большой костер. Отблески пламени, падавшие на столбы, высвечивали замысловатую и в чем-то даже пугающую резьбу на их поверхности. Владик разглядел грозные лики и рожи каких-то фантастических тварей. Резные морды украшали стоящие бревна снизу доверху.

Владик двинулся к костру. Он оглядывался по сторонам, но никого не замечал поблизости. Но кто-то ведь разжег костер, и сделал это недавно. Крупные поленья едва успели обуглиться от огненного жара.

Затем Владик подошел ближе, и вдруг увидел нечто невероятное. Перед костром, прямо на траве, была расстелена огромная белая скатерть. А на скатерти той высились горы восхитительной снеди.

Даже помня о том, что это всего лишь сон, Владик не сумел сдержать стоны радости. Благодаря доброму другу Центу и его пищевой политике, проводимой в отношении несчастного программиста, Владик за два года с конца света успел забыть вкус множества блюд. Изверг из девяностых держал его на голодном и невкусном пайке, аргументируя свой садизм желанием перевоспитать Владика. В комплекте шел рабский труд на износ, долженствующий закалить несчастного Владика телесно и нарастить на нем мышечную массу. И она бы могла нарасти, если бы в комплекте с адовым трудом шло полноценное обильное питание. Но его не было. Владик получал особую порцию, самую маленькую в Цитадели. Ну и с чего ей было нарасти, мышечной-то массе? После всей этой трудотерапии Владик отощал еще больше, хотя он и прежде был заморышем. Телесная крепость тоже не народилась. Владик неплохо набил руку в работе с лопатой. Да только едва ли этот навык мог помочь ему в новом враждебном мире.

И вот перед его голодными глазами предстало подлинное пиршество. Над скатертью горой высились кушанья, о коих Владик до оргазма мечтал последние два года. Притом, все они были свежими, только что приготовленными. Владик учуял их аромат, и буквально подавился хлынувшей изо рта слюной. Он пытался сфокусировать взгляд на чем-то одном, но не мог – глаза разбегались. Так продолжалось до тех пор, пока он не увидел его.

На огромном серебряном блюде величаво возлег жареный гусь. Его золотистая румяная кожица сверкала в свете костра капельками жира. И едва Владик увидел этого гуся, его разум окончательно помутился.

Последние два года мясо было запретным для него продуктом. Цент зорко следил за тем, чтобы несчастному программисту не перепало ни кусочка животного белка. Владик даже успел забыть, каково оно на вкус.

Утратив контроль над собой, Владик диким зверем бросился к скатерти. Он прыгнул на нее щучкой, рухнул на кушанья, расшвыряв их в стороны, и вцепился руками в плотную, еще горячую, гусиную тушу. Разверзлись уста, показались зубы. Владик с голодным рычанием вонзил их в гусиный бок, и за один укус выгрыз из того не менее килограмма плоти. Давясь мясом, обжигаясь и пачкаясь жиром, Владик стал пожирать гуся, обглаживая его со всех сторон. Он рычал и грозно поглядывал по сторонам, словно боялся, что кушанье могут попытаться отнять. И если это действительно произойдет, тот, кто дерзнет встать между Владиком и гусем, совершит фатальную ошибку. В этот момент обычно безобидный программист был готов даже на убийство. Если только его попытаются разлучить с мясом, прольется кровь.

Не помня себя, он жрал и жрал, катаясь по скатерти и перемазавшись в жиру, меду и сметане. Затем наступило прояснение. Владик пришел в себя, и понял, что снова пережил припадок голодного озверения. Такое уже случалось прежде.

Он лежал на скатерти среди гор объедков, с раздувшимся животом и пищей, стоящей поперек горла. Чрезмерная сытость оказалась едва ли не мучительнее голода. Владика стало дурно до тошноты. Он понял, что сейчас его вырвет прямо на скатерть. Но не судьба какой-то тряпки тревожила его. Он до слез не хотел расставаться с уже съеденными кушаньями. Лишь бы удержать их внутри – твердил он себе.

Владик сгреб в кулак всю силу воли, и заставил себя превозмочь тошноту. Дважды рвота лезла наружу, и дважды он чуть ли не руками заталкивал ее обратно. Владик не мог позволить себе расстаться с гусем уже после того, как тот очутился в его утробе. Нет уж, этому не бывать! Теперь они вместе навсегда. И никакая сила не разлучит их отныне.

Когда тошнота немного улеглась, Владик на четвереньках сполз с измятой скатерти. Оглянулся и вздрогнул. От шикарно накрытой поляны остался полнейший разгром. Все, что он не смог съесть, либо помял, либо растоптал, либо выпачкал. Скатерть и все блюда выглядели так, будто пережили набег свинского стада.

Владик стало стыдно за свое поведение. Вот до чего его довел изверг из девяностых. До сумасшествия. И то ли еще будет. Он по-прежнему рядом, и продолжает свою садистскую практику.

– Ненавижу его! – прохрипел Владик, слыша, как внутри булькает и шевелится обильная пищевая масса. Ее чрезмерное количество едва не порвало ему желудок.

И вдруг рядом с ним прозвучал мелодичный женский голос.

– О чем тужишь, витязь? – ласково спросила незнакомка.

От испуга Владик едва не упустил гуся. Он резко вскинул голову, и увидел перед собой незнакомую женину. Та стояла в двух шагах от него, босая, одетая в какой-то простенький сарафан. Толстая черная коса свешивалась через плечо и спускалась вниз меж двух пышных грудных холмиков.

Владик как стоял на четвереньках с отвисшим животом, так и застыл в этой гордой позе. Женщина подобрала подол сарафана и присела на корточки, чтобы оказаться с ним на одном уровне.

– Так о чем ты тужишь, витязь? – повторила она свой вопрос.

Женщина была невысока ростом и красива, но почему-то ни ее милое личико, ни ноги, выставленные напоказ из-под подола сарафана, не колыхнули в душе программиста струны похоти. Владик догадался, в чем причина его полового безразличия. Он только что оглушил свой организм огромной дозой непривычной пищи, и тот теперь думал не о женских прелестях, а о том, как бы справиться с непривычной нагрузкой.

– Я вижу, ты покушал, – заметила женщина, взглянув на смятую скатерть и растоптанные яства.

– Это не я, меня подставили, – пропыхтел Владик, чувствуя, что вольнолюбивый гусь вот-вот начнет прорываться с другой стороны.

– Тебе не в чем оправдываться, – ласково сказала ему женщина. – Ты мужчина и воин, а у них отменный аппетит.

Редко какая женщина величала Владика мужчиной, а всерьез так точно ни одна. Ну а уж воином его не называл даже он сам себя перед зеркалом, когда никто не видел сего постыдного позорища.

– Если желаешь чего-то еще, то молви, – предложила незнакомка и чуть заметно улыбнулась. Она как будто на что-то намекала, да вот только Владик никогда не понимал этой тайной женской сигнализации.

– Попить бы чего-нибудь, – произнес он.

Ему необходимо было промочить горло. Он плотно утрамбовал себя сухомяткой, которую требовалось слегка размочить для лучшего усвоения.

– Это подойдет? – спросила незнакомка, и в ее руке откуда-то возник большой расписной кувшин, на чьих керамических боках петушились в разных позах какие-то толстозадые жар-птицы с женскими головами.

Владик вначале схватил кувшин и отхлебнул, а уж затем подумал о том, что надо было бы узнать его содержимое до дегустации. Впрочем, жалеть о забывчивости ему не пришлось. Из кувшина в его уста хлынул какой-то незнакомый и явно алкогольный, но очень вкусный напиток. После плотной сухомятки Владик за один подход выхлебал половину емкости.

– Утолил ли ты свою жажду, витязь? – спросила женщина, присев рядом с ним на травку.

Владик утолил и даже более того – ему крепко ударило по мозгам. Градусов в напитке было немного, как, пожалуй, в пиве, но в том-то и дело, что программист не был привычен к спиртному. С полкувшина его моментально развезло. Владик понял, что он теряет контроль над собой, но ничего не мог с этим поделать. Он дико уставился на грудь незнакомки, плотно обтянутую тонкой тканью сарафана, на ее белые обнаженные плечи, на ноги, на алые губы и большие, весело искрящиеся, глаза. И понял, что сейчас сделает то, о чем мечтал два долгих

года с момента наступления конца света. Сделает, и никто его не остановит. Он, в конце концов, мужчина, и он докажет это делом.

– Я так страдал! – заревел Владик, со слезами бросаясь женщине на грудь.

Та обняла его и стала утешать, а Владик принялся упоенно цитировать жалобную книгу, трепетно хранимую и пополняемую в потаенном уголке своей души. Он вываливал на первые попавшиеся уши все свои горести и печали, все пережитые злключения и все испытанные страдания. Казалось, эпическому нытью не будет ни конца, ни края. Владик решил не утаивать ничего, и вывалить полную версию жалобной книги. Та насчитывала примерно сорок восемь томов мелким шрифтом.

Он успел добраться до пятого, когда женщина каким-то чудом сумела вклинить в его монолог, и быстро сказала:

– Милый витязь, ты много страдал. Но жизнь не обязана быть сплошной чередой горестей. Есть и другой путь.

– Я думал о нем, но в последний момент струсил и не смог спрыгнуть с табурета, – признался Владик.

– Нет-нет, я говорю не о самоубийстве. Есть путь, ведущий к прижизненному счастью. Не каждый может пройти им. Лишь тот, чья душа чиста, достоин его.

– У меня чистая душа, даже очень, – принялся наговаривать на себя Владик. – Я за всю жизнь мухи не обидел.

– Излишняя доброта отнюдь не показатель чистоты, – возразила женщина. – Раве высшее проявление добра не в том, чтобы противопоставлять себя злу?

– Я не знаю, я в этих тонкостях не разбираюсь, – признался Владик. – Я просто хочу пожить по-людски. Подальше от....

– От кого?

– От него!

Владик не смог выдавить из себя ненавистную кличку своего мучителя. Много чего случилось плохого и с ним самим и с миром в последние годы. Древние боги восстали из спячки, большая часть человечества стала злобной нежитью. Но Владик был уверен в том, что он пережил бы все эти катаклизмы гораздо легче, если бы не Цент. Этот изверг сумел испортить даже конец света.

– Прежний мир был полон страданий, – произнесла женщина, ласково поглаживая Владика по волосам. – Больше его нет. Но несколько осколков несправедливого мира уцелели. Твой спутник как раз один из них.

– А я? – спросил Владик.

– Ты иное дело. Ты не такой, как твой приятель. Новый мир примет тебя в свои объятия.

И хотя слова красавицы звучали крайне приятно, Владик все же напрягся. Он уже слышал эту песенку. Ему обещали пропуск в новый возрожденный мир, но, как выяснилось, бессовестно ввали. Он уже собрался спросить, не обманывает ли его собеседница, как вдруг изда- лека, из-за черной стены леса, донесся голос. И Владик узнал его. Узнал, и содрогнулся.

– Очкарик! – неслось из неведомых краев. – Где ты, скотина? Огня мне! Огня!

Владик крепче вцепился в незнакомку, не желая возвращаться в реальный мир. Та шепнула ему на ушко:

– Мы еще встретимся.

– Можно я тут с вами останусь? – взмолился Владик, крепче прижимая к себе упругое женское тело. Точнее, уже не тело, а старый трухлявый пень. Владик понял, что сидит и обнимает его, прижавшись щекой к сухой морщинистой коре.

Он отпрянул от пня и в страхе огляделся. Вокруг него было темно. Он с трудом различал очертания огромных деревьев. Рядом не было ни намека на костер.

И тут над лесом раскатился полный ярости крик Цента.

– Очкарик! – орал он. – Живо сюда! Огня мне!

Владик вскочил на ноги и побежал на голос. Несколько раз он оступался и падал, однажды на всем скаку врезался в дерево, и чуть не остался инвалидом. Затем впереди он различил отблеск алых углей. Владик заспешил на их свет. Голос Цента стал заметно громче. К нему примешивались треск ломаемых ветвей и шуршание сухой листвы.

– Очкарик, огня! – ревел Цент. – Где ты пропадаешь, негодяй?

Владик подбежал к прогоревшему костру, схватил охапку хвороста и сунул его в угли. Получив порцию топлива, пламя вспыхнуло вновь. В свете костра Владик огляделся, но Цента не обнаружил. Его крики, как и треск ветвей, звучали чуть в стороне.

Вооружившись горящей веткой, Владик заспешил на зов. Он уже понял из поднятого среди ночи шума, что Цент схлестнулся с кем-то, и сейчас ведет отчаянную борьбу с этим таинственным противником. Изверг был той еще свиньей ужасной, но Владик все равно болел за него. Потому что тот, другой, либо зверь, либо монстр, обойдется с ним сурово и безжалостно. Цент мучает, но хотя бы до сих пор не прикончил. А местные обитатели сделают это с огромным удовольствием.

Владик преодолел последние метры, отмахнулся от хлещущих по лицу стеблей кустарника, и резко затормозил. Остолбенев, он широко распахнутыми глазами воззрился на открывшуюся ему картину. Он ожидал увидеть что угодно, но только не такое.

На крошечной поляне, окруженной могучими дубами, кипел бой. Одним из участников поединка был Цент. Он раскраснелся и запыхался. С него градом катил пот. Секира, с которой изверг не расставался ни днем, ни ночью, валялась в стороне. Своими сильными руками изверг из девяностых пытался повалить и прижать к земле какого-то огромного зверя, в котором Владик не сразу poznal обычного кота полосатой серо-коричневой раскраски. Да, это был кот. Несомненно. Уж на котов-то Владик за свою жизнь насмотрелся. Но он никогда не видел кота, который в холке доходил бы ему до пояса.

Конечно, удивляться тут было нечему. Ведь в этом мире ему довелось наблюдать настоящего тролля, а он-то будет круче любого кота. И все же привычный вид знакомого с детства животного и его весьма непривычные размеры ввергли Владика в ступор. А потому он не сразу заметил, что на коте надет ошейник из какого-то желтого металла. Присмотревшись, Владик понял, что это цепь. Она обвивала толстую шею зверя золотым кольцом.

Кот выглядел большим и сильным, но и противник ему попался не из слабаков. К тому же Цент удачно пристроился сзади, обхватив грудь зверя руками, так что тот лишь беспомощно взбрыкивал и размахивал из стороны в сторону длинным пушистым хвостом. Тут Цент изловчился, рванул зверя в бок и повалил его на землю.

Владик, как замороженный, наблюдал за битвой титанов реслинга. Он не понимал, что происходит. Напал ли Цент на кота? Или кот на Цента? Или драка произошла по обоюдному согласию? Мысль о том, что надо бы помочь бывшему рэкету, даже не родилась в голове Вадика – настолько он был потрясен фантасмагорическим зрелищем.

Но тут случилось нечто такое, что заставило его поразиться еще больше. Огромный кот, обхваченный руками Цента, вдруг распахнул пасть и заговорил человеческим голосом.

– Да что тебе надо? – воскликнул он. – Отцепись от меня!

– Молчи! – свирепо закричал на него запыхавшийся в ходе борьбы Цент. – Коты не разговаривают!

– Я не просто кот, я особенный. Отпусти меня, витязь, не гневи богов! Знаю, положил ты глаз на цепь мою, ну так она не снимается.

– Какая еще цепь? – возмутился Цент, пытаясь обхватить ногами виляющий кошачий зад. – Не надо мне никаких цепей, я сокол вольный.

– Цепь не нужна? – удивился кот. – Тогда чего же тебе от меня надо?

– Поужинать! – зверски прорычал крутой перец.

Смысл его слов не сразу дошел до кота, а когда все же дошел, глаза зверя дико расширились, и в них возникло выражение ужаса.

– Витязь, верно ли я понял тебя? – простонал он. – Ты хочешь...

– Я хочу жрать! – неучтиво перебил его Цент, и попытался заломить передние лапы кота ему за спину.

– Здесь какая-то ошибка, – пролепетал кот. – Меня нельзя есть.

– Можно, можно, – утешил его Цент, зверски скалясь в предвкушении скорой трапезы.

– Ты ведь даже не знаешь, кто я.

– Ты состоишь из мяса, остальное меня не интересует.

– Неужели тебя не смущает, что я говорящий?

– Обычный случай одержимости бесами. Обряд очищения огнем это исправит.

– Витязь! – завопил кот. – Остановись! Боги покарают тебя за этот страшный поступок.

– С богами у меня все схвачено, – возразил Цент. – Я такую сумму на храм пожертвовал, что мне батюшка все грехи наперед отпустил.

– Витязь! Я волшебный! Я исполню три твоих желания!

– У меня всего одно желание, и уж его-то ты точно исполнишь.

– Да что же это? – горько воскликнул кот. – Неужели вот так уготовано мне погибнуть? Неужели судьба моя – стать пищей для этого человека?

– Ага, так ты знаешь, кто такие люди! – обрадовался Цент. – Интересно, откуда? Ведь в этом мире нет людей. Уж не пособник ли ты темной богини? Если да, то я съем тебя живьем, и начну с хвоста.

– Живьем? – выпучил глаза кот. – С хвоста? Витязь, опомнись! Не делай этого. Я ничей не пособник. А то, что мне ведомо многое, удивлять тебя не должно. Ибо прибыл я из Ирия, где многое слышал и видел. Светлые боги весьма разгневаются, если ты съешь меня. Особенно живьем.

– Ничего, переживу, – усмехнулся Цент. – У меня выбор невелик. Либо голодать, что нестерпимо, либо насадить тебя на вертел.

Тут Цент поднял взгляд, и увидел на краю поляны застывшего столбом Владика. Удивление на лице Цента сменилось гневом.

– Какого хрена ты там стоишь? – закричал он. – Вон лежит мой топор. Возьми его, и заруби наш ужин.

– Нет! – завопил зверь. – Не делай этого, меньшей витязь! Это большая ошибка.

Владик робко подошел к секире, и поднял ее с земли.

– Давай! – кричал ему Цент.

– Не надо! – вопил кот, изо всех сил пытаясь вырваться из крепких объятий человека. – Заклинаю тебя, меньшей витязь, ради моих детей! У меня их триста восемьдесят два. На кого останутся, сиротинушки?

– Владик, если ты не зарубишь кота, то отужинаю я тобой! – выдвинул ультиматум Цент.

– Спаси меня! – умолял зверь. – Я волшебный, я удачу приношу.

– Не слушай эту брехливую скотину. Это просто мутант, одержимый дьяволом. Мы съедим его, и у нас все будет хорошо.

– Да как же так-то? – стонал кот, закатывая большие зеленые глаза. – Как же это можно? Ведь где это видано, чтобы одни разумные существа другое съесть замыслили? Мы же с вами почти родня.

– Ты в приматы не набивайся, – отрезал Цент. – Кот и человек друг от друга далеко отстоят. Мы всего лишь в одном классе млекопитающих, а это так себе родство.

– Неужели вы съедите своего одноклассника? – возрыдал зверь.

– Я бы родного брата съел, будь он у меня, – заявил Цент. – Когда речь заходит о выживании, апелляции к родству неуместны.

Владик с топором в руке метался перед копошащимися на земле борцами смешенного стилиа. Будь на месте гигантского кота просто животное, он, не колеблясь, пустил бы в ход оружие. Но лишить жизни разумное существо Владик не мог – рука не поднималась. Особенно помня о том, что Цент собирался впоследствии съесть говорящего кота.

– Владик, долго мне еще тут валяться? – сердито спросил изверг. – Заруби, наконец, животное. Бесноватый кот служит Марене. Поцадим его – он нас сдаст за миску сливок.

– Что? – воскликнул кот. – Нет, витязи! Нет! Никогда не служил я темной богине. Мы с вами на одной стороне.

– Ну, ведь врешь же! Ведь врешь! – уличил кота Цент. – У тебя на роже написано, что ты злодей со стажем. Просто не желаешь расставаться со своим мясом. Это низко с твоей стороны, одноклассник. Мы уже не первый день голодаем. Мог бы войти в положение.

– Да чтоб меня Перун молнией прибил, если вру! – воскликнул кот.

– И без Перуна найдется, кому тебя шлепнуть. Владик, кончай хвостатого лжеца! Сегодня в нашем меню мегалитический кот на углях.

– А что, если он говорит правду? – допустил программист.

– Меньшой витязь, да благословят тебя боги за твою доброту! – со слезами на глазах воскликнул зверь.

– Правда, ложь, – пренебрежительно проворчал Цент. – Речь не о них. Речь о том, что я третий день не жравши.

– Я найду вам еду, – пообещал кот. – Клянусь небесным лотком!

– Да ведь ты обманешь, – уличил его Цент. – Ведь стоит тебя только отпустить, ты тут же деру дашь.

– Нет, старший витязь, не думай обо мне так скверно. Уж я свое слово всегда держу. Боги тому свидетели.

– Давай поверим ему, – взмолился Владик.

– Да, верьте мне, верьте, – поддакнул кот. – Я ваш друг.

Цент секунду раздумывал, а затем принял решение.

– Вот как мы поступим, – произнес он. – Я тебя отпущу, но отпущу под залог.

– Что же ты возьмешь в качестве залога? – забеспокоился кот.

– Жизнь очкарика, – ответил ему Цент. – Если ты, паразит, сбежишь, я освежую и за жарю прыщавого нытика. Богом клянусь, так и будет.

Владик такого никак не ожидал. Ему, конечно, было жалко кота, но он не был уверен, что доверяет говорящему зверю. Тот ведь и впрямь мог сбежать. А расплачиваться за это придется ему. И тяжелой будет та расплата.

Цент, наконец, разжал руки, и кот, обретя свободу, вскочил на лапы и отбежал подальше от буйного витязя. У Владика сердце екнуло – вот сейчас этот врун встопоршит хвост трубой, да как бросится в лес. И будет тогда у Цента на ужин не мегалитический кот, а subtilный программист.

Но кот, набрав дистанцию, остановился и повернулся к ним мордой. Цент поднялся с земли и отобрал у Владика свою секиру.

– Ты еще здесь? – спросил он, покосившись на кота. – Я думал, ты уже убежал в гастроном.

Кот мотнул хвостом, развернулся к ним задом и, сорвавшись с места, помчался прочь, вскоре растворившись в ночной тьме.

Владик мысленно взмолился – только вернись, кисонька!

– Ну что, очкарик, – прогремел рядом голос Цента, – выхлопотал помилование для моей добычи. Собирай теперь дрова.

– Ты думаешь, котик принесет нам мяса? – спросил Владик, которому отчаянно хотелось верить в это.

Цент окинул его весьма зловещим взглядом, и проронил:

– Дрова понадобятся в любом случае. Собирай.

Владик все понял, и ему стало нехорошо. Цент твердо вознамерился съесть кого-нибудь нынешней ночью. И он, Владик, в числе первых претендентов на роль главного блюда.

Глава 7

– Боже ты мой! Нет! Пожалуйста!

– Молчи! Не порть мне аппетит своими завываниями. И так, глядя на твои набухшие прыщи, к горлу комом тошнота подступает. Затвори уста, не вынуждай делать это за тебя.

Владик, привязанный за ноги и за руки к длинной толстой палке, лежал на земле и заливался горячими слезами. Рядом с ним суетился Цент, подбрасывая дрова в полыхающий костер. Тот горел посреди поляны, недавно ставшей полем схватки между пацаном конкретным и котом огромным.

– Пожалуйста, давай еще немного подождем! – молил Владик, наблюдая за тем, как Цент устанавливает по краям костра две рогатины – на них он собирался утвердить вертел со своим ужином.

– Очкарик, хватит уже ныть! – потребовал изверг. – Не обманывай себя. Кот не вернется. Он солгал. Кинул тебя через хвост. Твоя жизнь была в его лапах, и он принял решение. И, черт возьми, я его не осуждаю. Будь я на его месте, мне бы и в голову не пришло вернуться ради депрессивного прыщавого заморыша.

Уже светало, а огромный кот, отпущенный под залог, так и не пришел обратно ни порожняком, ни с добычей. И Цент, терпение которого лопнуло, решительно объявил завтрак. Владик тоже был на него приглашен. В качестве главного блюда.

Теперь привязанный к палке программист последними словами проклинал свою доброту. Котика он пожалел. Рука не поднялась. Вот и придется, вместо котика, заживо изжариться над костром.

– Сейчас, сейчас, – нетерпеливо бормотал Цент, суетливо подбрасывая дрова в огонь. Запекать тушу следовало над пышущими жаром углями, так мясо не подгорит и не будет сырым внутри.

– Еще полчаса! – давясь слезами, взмолился Владик. – Давай подождем еще полчаса!

– Полчаса? – возмутился Цент. – Ты хочешь продлить мои мучения еще на тридцать минут? Бессердечная скотина! За эти полчаса ты как раз пригодишься. Потратим же их с пользой.

Он схватил один конец шеста, к которому был привязан Владик, и потащил его к костру.

– Боже мой! – в ужасе стонал программист. – Неужели это не сон?

– Самому не верится, – согласился свирепый антропофаг. – Наконец-то поем. Как долго я этого ждал! Жизнь теряет смысл без регулярных мясных трапез. Наваливается тоска, одолевает апатия, мрачные мысли поселяются в голове. Но стоит только куску сочной жареной плоти оказаться во рту, стоит только рецепторам распробовать этот дивный, ни с чем несравнимый, вкус, как весь окружающий мир начинает играть яркими красками, а в душе звучит музыка. Ты слышишь ее, Владик? Слышишь музыку?

Владик слышал. В его душе звучало нечто, похожее на похоронный марш.

Цент, зверски улыбаясь, подтащил жертву к костру, и начал прикидывать, как бы пристроить тушу на рогатины. Владик, заливаясь слезами, молил его прекратить это каннибальское безумие, но Цент остался глух к словам еды.

– Пожалуй, нужно было тебя прежде раздеть и обмыть, – сообразил он. – А, ладно. Некогда. Если я сейчас же не поем, то просто отброшу копыта.

Он поднял один край шеста, и стал пристраивать его в развилку рогатины. И в этот момент на облюбованную ими поляну выбежал запыхавшийся кот. В зубах он держал крупную заячью тушку.

– Котик! Ты вернулся! – истекая слезами счастья, воскликнул Владик.

Цент обернулся, увидел кота, увидел зайца в его пасти, и уронил шест с Владиком на землю.

– Витязи, я спешил, как мог, – признался кот, выплюнув свою добычу. – В этом лесу живности небогато. А вы...

Тут он увидел привязанного к шесту Владика, чьи глаза еще лучились ужасом, и осторожно спросил:

– А что у вас тут происходит?

– Ничего! – отрезал Цент, подбегая к коту и хватая рукой заячью тушку.

– А почему меньшей витязь привязан к палке? – не унимался зверь.

– Мы с ним играли.

– Дозвольте узнать, во что?

– В ролевую игру. Владика досталась незавидная роль. И он, шельмец, блестяще в нее вжился.

Цент торопливо занялся потрошением зайца. Владик, все еще не веря, что спасен, робко попросил отвязать его от шеста.

– Некогда мне, – бросил Цент. – Не до тебя. Кот, освободи резервный запас пищи.

Зверь подошел к Владiku, и своими огромными когтями легко перерезал сплетенные из коры веревки, что удерживали программиста. Тот, обретя свободу, обхватил руками кошачью шею, и обрушил на его мохнатое плечо водопады слез.

– Спасибо тебе котик, спасибо! – выл Владик, пачкая соплями густую кошачью шерсть. – Я в тебе не сомневался. Я верил, что ты вернешься. Я так страдал...

– Двинь ему за меня лапой в ухо, – попросил зверя Цент. – Терпеть не могу его жалобную книгу.

– Поплачь, меньшей витязь, поплачь, – утешал Владика кот. – Тебе станет легче.

Но Владик не верил, что ему полегчает от пролитых слез. Пока рядом всепожирающий Цент, над ним дамокловым мечом висит угроза съедения. Сегодня его спас заяц. А что спасет завтра?

Спустя полчаса состоялся долгожданный завтрак. В лучах рассвета Цент жадно грыз полусырую зайчатину, даже Владiku, и тому перепал небольшой кусочек. Кот от пищи отказался, сославшись на то, что в процессе охоты добыл и съел воробушка. Цент подозрительно покосился на зверя. Учитывая размеры кота, ему на прокорм понадобилось бы сотни три воробушков, или один, но со взрослого гуся величиной.

Когда заяц был благополучно обглодан до костей, а голод утолен, Цент, подобрев и повеселев, обратился к коту:

– Так ты, значит, местный?

– Нет, – ответил тот, прекратив вылизывать себя языком. – Я тут недавно.

– В этих землях?

– В этом мире.

Цент с Владиком переглянулись.

– Если ты не из этого мира, – заговорил бывший рэкетир, – то откуда ты взялся?

Кот скорчил важную гримасу, лапой расправил усы, длинные и твердые, будто из стальной проволоки, и важным голосом промолвил:

– Я, витязи, из Ирия.

– Ирий, – повторил Цент. – Это не тот ли небесный нужник, в котором заперлись светлые боги, пока мы тут за них корячимся и темную силу превозмогаем?

– Все так, старший витязь, – согласно кивнул кот. – Ирий – обитель светлых богов. Но послушай совета старого кота – не нарекай сие место нужником. Боги хоть и светлые, но зело обидчивые. Я изведal это на собственной шкуре.

– В каком смысле? – уточнил Цент.

– Пострадал за правду, – горько вздохнув, признался зверь.

– А именно?

– Бросил дерзкий вызов богам.

– Ты? – удивился Владик, с невольным уважением взирая на кота.

– Я, меньшей витязь. За какую дерзость и был изгнан из Ирия в этот мир. Низвергнут, так сказать.

– И за что конкретно тебя низвергли? – поинтересовался Цент. – Что ты натворил? Колись!

– Ряд деяний весьма эпичного характера. Сперва Велесу в тапки нагадил, потом у Перуна со стола котлеты попятил, довершил же дело тем, что придумал остроумнейшую рифму к имени Ярило, каковую на стене его терема славянскими рунами и начертал. Далее был отловлен и подвергся репрессивным методам воздействия. Били вафельным полотенцем по спине, бранили весьма неизящно, унижительным образом тыкали носом в протестный материал. Не понимаю, что они хотели этим добиться? Нет бы, аккуратно собрать совочком да выкинуть, а они его по всему терему размазали. Мной. Искреннее же раскаяние мое и слезы сожаления не возымели должного результата. Не успел опомниться, как очутился здесь, в этом мире, с отпечатком божественной ноги на мягком месте. Вот она, витязи, божья благодарность за мою верную службу. Стоило один лишь раз поддаться диссидентскому настрою, как сразу выкинули вон. А ведь что я такого сделал-то? Тапки Велеса были старые, он их все равно выбрасывать собирался. Котлеты Перуна оказались невыносимо пересоленными, он и сам бы их есть не стал. А что касается Ярило... Ну, знаете, о нем уже давно поговаривают, а ведь дыма без огня не бывает. Кто-то же должен был поднять эту тему. И чего сразу выкидывать-то? Могли бы дать испытательный срок, второй шанс, простишь, в конце концов. Хотя, они там сейчас все на взводе из-за Марены. Она ведь вырвалась из своей темницы, слышали вы?

– Слышали, – кивнул Цент, а Владик содрогнулся, вспомнив ужасную темную богиню, что обрела свободу прямо на их глазах.

– Вот боги и нервничают, – продолжил кот. – Гадают, что у нее на уме. А я думаю, что там и гадать нечего. На уме у нее то же, что и прежде. Желает она Ирий к рукам прибрать.

Цент ногтем выковырнул изо рта застрявший между зубов кусок зайчатины, громко рыгнул, отдавая дань уважения умятому косому, и произнес:

– Все с тобой ясно, борец с режимом. Имя у тебя есть?

– Конечно, – важно кивнул кот. – Светлыми богами был наречен Баюном.

– Что ж, будем знакомы, животное. Я Цент, крутой перец. А вон тот прыщавый доходяга зовется Владиком. Он хранитель жалобной книги, что написана соплями на носовых платках.

– Постойте, я что-то такое читал о коте Баюне, – опомнился Владик, и покосился на нового знакомого с плохо скрываемым страхом.

– Обо мне написано в жалобной книге? – удивился зверь.

– Нет, в интернете.

– Хвала Велесу, что не на заборе. С другой стороны, осталось ли в наше непростое время иное место, где можно было бы начертать слова горькой правды? И что ты прочел обо мне, меньшей витязь? Написать ведь могут всякое. Коту Баюну ведомо, что такое оговор. Как-то оболгали меня в том, что я, дескать, сожрал птицу Гамаюн. Она куда-то запропастилась, стали искать, а нашли меня с мордой в перьях. Я им славянским языком глаголю, что перья голубиные, а они не верят. Да и не стал бы я ее жрать. Что, не кормят меня, разве? Ну, да, каюсь, жаловался на ее песнопения, критиковал и технику исполнения, и скудный репертуар. Возможно, будучи ослепленным яростью, грозился вырвать ей перья из зада. Да чего только не скажешь в горячке! Но разве это все улики? А меня, без всяких разбирательств, уже тогда хотели из Ирия выкинуть. Спасибо, Гамаюн нашлась. И хоть бы кто извинения коту принес. Как будто я тварь неразумная. Еще тогда во мне протестное настроение взвырало. Ну, подумал, держитесь, боги

светлые, прячьте тапки, страшной будет кара моя. Так что там написали обо мне, меньшей витязь? Правду, или как обычно?

– Ну, я не знаю, правда это, или нет, – заюлил Владик. – Я только читал....

– Да говори, что ты мямлишь! – прикрикнул на него Цент.

– Читал, что кот Баюн злодей и людоед, сидит на железном столбе, путников сказками усыпляет, а затем съедает их, спящих.

– Кто? Я? – ужаснулся кот, ударяя себя лапой в грудь. – Да кто только сочиняет эти брехливые былины? И что это меня на железный столб усадили? В наших славянских широтах пойди-ка, посиди часок-другой на железном столбе, живо себе все, ниже ушей, отморозишь. Нордический климат, все-таки, чай не тропики.

– А что насчет людоедства? – спросил Цент, не спуская с кота пристального взгляда.

– Сие бездоказательное вранье даже комментировать отказываюсь! – заявил Баюн. – Корни же этой грязной былины усматриваю в свойственной вашему виду мании величия. Во всем-то вы лучше других, даже по вкусовым качествам всех превосходите. Вот и хочет каждый вас скушать. Но кот Баюн, поверьте, не из их числа. Куда милее сердцу моему котлеты и колбасы, и рыбка свежая, и молоко парное.

– Котлеты тебя до беды и довели, – напомнил Цент. – Не таскал бы их со стола, глядишь, не отправился бы в изгнание.

– Есть в твоих словах, старший витязь, доля горькой правды, – не стал спорить Баюн. – Но трудно выстоять перед искушением. Вот стоят они на столе, котлеты эти, ты глядишь на них, и думаешь – забудь. Думать-то думаешь, а лапа сама к ним тянется. Разум говорит – нельзя, а сердце иное молвит – цапни, дескать, одну, никто и не заметит. Светлые боги не скупердяи, котлеты не пересчитывают. А где одна, там и вторая, а за ней и третья. Не успеешь опомниться, как уже всю тарелку опустошил. Потом, конечно, раскаяние наваливается. Оно, раскаяние это, наваливается, как правило, на сытый желудок. Ужасаешься сам себе и вероломству своему, границ не ведающему. Боги светлые мне доверились, запустили в терем, где котлеты на столе стоят, а я вон что натворил, неблагодарный. Сгорая от стыда, идешь в укромное темное место, дабы самого себя не видеть, презренного. А какое самое укромное место? Кладовая. А там соблазн на соблазне – на крюках окорока да колбасы, на полках сало да сыры. Где устоять перед столь великим искушением? Однажды, витязи, меня застучали в кладовке за греховной трапезой. Какой же был стыд! Помню, с каким укором во взоре Велес посмотрел на меня. Он как бы хотел сказать – как же так, Баюн? Но не сказал. Сразу бить начал, без лишних слов. Схватил бычий окорок, который я наполовину обглодал, и этим окороком меня по спине благословил три раза. Он бы меня, пожалуй, до смерти благословлениями осыпал, да я промеж ног ему шмыгнул, и, от стыда сгорая, из терема сбежал.

– Странно, что с таким поведением тебя раньше из Ирия не выкинули, – заметил Цент.

– Говорю же – они там на ушах стоят из-за Марены, – пояснил кот. – Если бы не она, мне бы мое протестное выступление с лап сошло.

– Кстати о Марене, – сказал Цент. – Как думаешь, кот, велики ли наши шансы с нею повстречаться?

– Это смотря по тому, витязь, как сильно она того возжелает, – отвечивал Баюн. – Ирий для нее запрещен... пока. Но этот мир под ее полным владычеством.

– Если так, что же она до сих пор не прихлопнула нас?

– Ибо не всеильна. И божественному могуществу положен предел. Ищет, да пока найти не может. Аль иными делами занята. В Ирий она рвется. В Ирий. Да что я вам рассказываю. Вам и самим все это ведомо.

Кот выразительно взглянул на секиру Цента, и добавил:

– Стражам Ирия такое знать положено.

Цент тоже опустил взгляд на топор.

– Значит, ты знаешь, что это? – уточнил он.

– Небесное-то оружие? Знаю. Я же из Ирия. Там твою секиру и выковали.

Цент подался вперед, и быстро сказал:

– Секира, похоже, сломалась, или батарейки у нее сели. В общем, не работает она.

Он взял топор в руку, но ничего не произошло. Кот озадаченно нахмурился.

– Да, странно, – согласился он. – Оружие сие пылает небесным огнем, когда пребывает в руке героя.

– Оно и пылало, – сказал Цент, вернув топор на колени. – Раньше. До того, как Марена что-то сделала с нашим миром. Теперь не пылает. Почему, а?

Кот задумчиво почесал задней лапой за ухом.

– Даже не знаю, – признался он. – Я, откровенно говоря, в оружии разбираюсь слабо. Знаю только, что когда боги ковали небесное оружие, то наполняли его великой силой. Секире твоей уже много лет. Возможно, сила из нее выветрилась.

– И как это исправить? – спросил Цент, больше всего опасаясь, что кот ответит – никак. Потому что волшебный топор был единственным оружием, способным убить Марену. Центу, во всяком случае, очень хотелось верить, что так оно и есть.

Бакон растерянно пожал плечами.

– Не ведаю, витязь, – виноватым тоном произнес он. – Может, и есть какой-то способ. Тут бы надо того поспросить, кто в этом силен.

– Кого, например?

– Ну, не ведаю даже. Хорошего кузнеца или колдуна. Хотя, хороший кузнец всегда немного колдун.

Цент взял охапку хвороста и бросил ее в огонь.

– И где этого кузнеца-колдуна искать? Тут вообще кто-нибудь живет? Я имею в виду разумных существ, как мы с тобой. На худой конец, как Владик.

– Живут-то всякие, – протянул кот неуверенно. – Но такого кузнеца, чтобы сумел починить небесное оружие, не вдруг и сыщешь.

– То есть, ты не знаешь, кто мог бы помочь? – прямо спросил Цент.

– Знать не знаю. Тут надобно местных поспросить.

– Ага, местных! – фыркнул Цент. – Мы тут давеча с местным пообщались. Если тут все такие же общительные, как покойный гоминид, можно даже и не начинать.

Кот задумчиво нахмурился, из-за чего на его мохнатом лбу пролегла глубокая складка, а усы опустились вниз, как у восточного мудреца.

– Сие мир воссозданный, первозданный, – произнес он медленно. – Я слышал о нем лишь седые былины дремучей старины. Но в них говорилось о разных племенах и народах, населявших землю во времена ее юности. Были среди них скверные характером, но были и приятные создания. Не все здесь поведут себя враждебно. Некоторые могут и помочь.

Цент почесал невымытые волосы, и постановил:

– Ну, тогда пошли искать помощников. Без волшебного топора нам никак. Если аборигены потребуют плату за помощь, отдадим им очкарика. А если упрутся, придется применить силу. Я заставлю их содрогнуться от ужаса. Как начну на их глазах Владика терзать и мучить, у них шерсть дыбом встанет.

– Интересная у вас тактика, витязи, – поразился Кот. – И как, она работает?

– Даже если и нет, я все равно останусь в плюсе, – сказал Цент, окинув Владика кроваво-жадным взглядом.

Он поднялся на ноги, отряхнул с зада налипшие веточки и листья, и провозгласил:

– Идем искать разумных тварей. Кот, ты можешь их учуять?

– Я же не собака, витязь.

– А услышать?

– Не нетопырь я, но кот.

– А увидеть?

– Будь я орлом, сумел бы. Но кот я, и только.

– Ясно. Коллега Владика. Тот тоже ничего не умеет, кроме как действовать мне на нервы.

В ответ на что я воздействую на его болевые точки. Учти это кот, если думаешь задержаться в нашем коллективе.

– Пожалуй, задержусь, – сказал Баюн. – В лихую годину силам добра нужно держаться вместе.

– Силу добра представляю только я, – сообщил Цент. – Очкарик олицетворяет силу нытья. И мой тебе совет – если этот фрукт распахнет при тебе жалобную книгу, бей, не стесняйся.

– Неужто книга сия так страшна?

– Первые минут пятнадцать еще терпимо, а потом хоть в петлю лезь. Но это не мой путь. Я предпочитаю совать в петлю того, кто меня раздражает. Это, кот, тебе тоже следует учесть и зарубить на носу.

Сунув секиру за пояс, Цент произнес:

– Раз нет четких ориентиров, положимся на авось. Пойдем, куда глаза глядят. Как думаешь, кот, много ли в этом мире разумных тварей?

– Одним богам сие ведомо, витязь.

– Золотой ты человек, кот. Пользы от тебя вагон, который к составу прицепить забыли. Ладно, идем куда-нибудь. Чем быстрее починим топор, тем больше у нас будет шансов выжить. У нас с тобой, кот. Владик вряд ли уцелеет.

– Неужто меньшей витязь хвор? – испугался Баюн, с тревогой взглянув на безрадостного страдальца.

– А по нему не видно? Владик уже одной ногой в могиле. И вторая почти туда же сползла.

– Но что за недуг терзает его? Есть лечебные травы, коренья. Молвят, подорожник могуч в деле лечения хворей зловердных.

– Попробуем подорожник, – решил Цент. – Как найдем его, заставим очкарика съесть сорок листьев. И пусть только не выздоровеет после этого. Я его тогда крапиву жевать заставлю.

– Кора дуба тоже укрепляет телесную мощь, – припомнил кот.

– И кору жрать будет. Он у нас все продегустирует. Ты вспоминай, кот, вспоминай. Чем его еще попользовать?

– Слышал я о пиявках....

– О! – обрадовался Цент. – Как же я сам об этом не подумал? Накормим прыщавого пиявками, лягушками, червяками. Поставим сорванца на ноги. Мы еще поборемся за него, кот. Не дадим слечь.

– Попроберемся, поборемся, – подхватил Баюн, и взглянул на Владика. – Ты унывай, меньшей витязь. Сыщем средство целебное. Я много на свете прожил, многое повидал. Уж я припомню, чем тебя выводить.

– Не надо, кисонька! – беззвучно взмолился Владик.

И того, что кот уже предложил, было за глаза. Впереди его ждала тяжелая пытка. Поедание лопухов и коры дуба еще куда ни шло, но пиявки, лягушки и червяки.... Владик начал жалеть, что не был убит и съеден троллем. Цент спас его не из благих побуждений. Просто не пожелал расставаться со своим мальчиком для терзаний.

Глава 8

Не имея четких ориентиров, они тронулись в путь наугад. И не успели отшагать через лес и часа, как окружающий мир преподнес им сюрприз на лопате. О его приближении сообщил раскат грома, зародившийся вдалеке, а затем докатившийся до них таким ядреным грохотом, что листья посыпались с ветвей. Баюн молнией взлетел на ближайшее дерево, вскарабкался по стволу и достиг вершины. Высунув голову над кронами леса, он взглянул на север и увидел ползущую оттуда черную тучу, огромную и непроницаемо-плотную. Словно стена мрака надвигалась на них, поглощая мир.

– Беда, витязи, – прокричал кот сверху. – Буря идет.

– Ну, все, возвращаемся по домам! – ворчливо произнес Цент.

Он взглянул на испуганного Владика, и посоветовал:

– Не трясись, прыщавый. Буря высоко, а мы в лесу. Деревья нас защитят.

Ну, то есть, Центу хотелось так думать. Но когда Баюн сбежал вниз по дереву, он тоже имел встревоженный вид.

– Витязи, надобно искать укрытие, – сказал он, беспокожно молотя хвостом.

– Все так плохо? – спросил Цент.

В этот момент очередной раскат грома ответил на его вопрос – шибанул так, что под их ногами дрогнула земля.

– Ладно, – согласился Цент. – И где его искать, твое укрытие?

– Нам бы пещеру глубокую, – возмечтал кот.

– Ясно. Владик, начинай копать.

– Едва ли меньшей витязь успеет.

– Это смотря как его мотивировать. Я знаю к Владiku подход. Подхожу, и по печени – тыдышь!

Но шуточки закончились, когда третий удар грома оглушил двух людей и одного кота. Над кронами леса зашумел ветер. Сверху сыпалась листва и мелкие веточки.

– Что ни день, то катаклизмы! – посетовал Цент. – Вот в девяностых была стабильность. Просыпаешься поутру, и точно знаешь, кто крутой, а кто лох. И с радостью осознаешь, что крутой, это ты.

– Витязи, поспешим, – взмолился Баюн, со страхом поглядывая наверх. Его большие уши были прижаты к голове.

– Поспешим, чего бы нет? – согласился Цент. – Только куда спешить-то? Где она, пещера?

Страх принуждал к бессмысленной суете. Они в отчаянии ломались сквозь лес, а вокруг все сильнее темнело и холодало. Раскаты грома слились в один монотонный грохот. Несколько раз над их головами сверкали молнии, и их яркие вспышки были замены даже под кронами леса.

А затем хлынул дождь. Он начался не постепенно, а сразу обрушился мощным потоком. Цент среагировал мгновенно – одним движением сорвал с Владика куртку и укрыл ею собственные голову и плечи.

Идти куда-то уже не имело смысла. Все трое скорчились у ствола огромного дуба, причем Цент и кот заняли небольшое углубление в корнях, отчасти защищавшее их от дождя. Владик тоже попытался присоединиться к ним, но быстро выяснил, что для него там места нет. Он вынужден был сидеть под проливным дождем, и это доставляло ему мало радости. Вода была ледяная, да и в целом температура воздуха резко упала. Очень скоро Владик почувствовал, что замерзает. Его буквально колотило. Не попадая зубом на зуб, он вновь полез в убежище, и вновь натолкнулся на грубость и эгоизм спутников.

– Чего тебе надо, очкарик? – прокричал Цент, перекрикивая шум дождя. – Ты уже и так промок до нитки. Хуже тебе не будет. Оставайся снаружи.

– Мне холодно, – зачем-то сообщил Владик, как будто это кого-то интересовало.

– Поприседай.

– Зачем?

– Согреешься.

Владик внял совету – не замерзать же заживо. Присел пять раз, после чего измученные ноги подвели его, и он без сил упал в грязь.

– А я ему все время твержу – начинай качаться! – прокричал Цент, обращаясь к коту. – Мышечная масса лишней не бывает. Но Владик лентяй. Ничего не хочет делать, только сидеть и ныть.

Владик сел на землю, прямо в центр глубокой лужи, и заныл. Он пытался бороться с собой, но жалобная книга с неодолимой силой рвалась наружу. Ему вспомнился сон, в котором некая незнакомая красавица утешала его у костра. Как же уютно и спокойно было в ее нежных любящих объятиях. И что там она говорила? Кажется, что-то важное. Но Владик забыл. Да и не слушал толком. А, наверное, стоило бы. Вдруг это не просто сон? Вдруг...

Вдруг что-то с силой врезалось ему в лоб, оборвав первый том жалобной книги на восьмой странице. Владик вскрикнул от боли, и увидел упавшую перед ним палку, короткую, но толстую.

– Я что тебе говорил о нытье? – прокричал Цент из убежища.

– Но я замерз! – в отчаянии завопил Владик, колотя кулаками по грязи. – Я промок! Мне плохо!

– Никто не обещал, что тебе будет хорошо. Учись преодолевать.

– Почто ты так суров с меньшим витязем? – спросил Баюн. – Неужели это часть воинской тренировки?

– Она самая. Владик дал обет, что не станет есть досыта, спать вволю и обязуется терпеть тяготы и лишения. Я всего лишь помогаю ему придерживаться данной клятвы.

– Что же заставило его ступить на столь суровую тропу? – изумился кот. – Неужели он искушает совершенный в прошлом недостойный поступок?

– Все прошлое Владика один сплошной недостойный поступок. Этот в три слоя покрывший себя позором субъект еще легко отделался. Обычно за такое сразу убивают табуреткой, но я добрый, дал ему второй... Нет, погоди. Тридцать восьмой шанс. Но наперед чую, что очкарик не оценит моего великодушия и по сложившейся традиции наплюет мне в душу.

Владик сидел под дождем, мокрый, грязный, замерзший, и давился обидой. Оставалось только давиться ею. Высказывать Центу претензии было опасно для жизни.

Через полчаса дождь прекратился, успев за это время превратить лес в болото. Вода продолжала капать с ветвей, но ливень иссяк. Однако темная туча, накрывшая небо, никуда не делась. А вместе с ней остался принесенный холод. Было в этой резкой смене погоды что-то странное и пугающее. Владик подумал, не наслана ли буря темной богиней, но тут ему в лоб прилетела вторая палка, а заодно и требование Цента престать считать ворон.

Вновь они побрели через лес. Цент трепетно берег за пазухой чудом сохраненные сухими спички, и высматривал убежище. Им всем необходимо было обсохнуть и согреться. Но как развести костер в насквозь промокшем лесу?

Но хуже остальных приходилось Владик. Цент пересидел дождь в укрытии, используя в качестве зонта отобранную у программиста куртку. Кот был покрыт густой шерстью, частично защищавшей его от промокания. А Владик был покрыт проклятиями, ибо лишь их обильное наличие объясняло валяющиеся на него беды и страдания. Несчастного начал бить озноб. Мнительный Владик решил, что он неминуемо заболеет и умрет, потому что в этом мире нет ни

лекарств, ни докторов. А те, что есть, еще быстрее загонят его в гроб. Как начнут потчевать лопухами да пивьяками, тут и сам выздоравливать не захочешь.

Лес вдруг оборвался, и путники очутились на краю огромной прогалины. Та была абсолютно голой, покрытая куцей травкой. А в ее центре росло одинокое дерево, издали кажущееся торчащим из земли кустиком.

– Слава богу, хоть не придется сшибать ноги о пни и корни, – обрадовался Цент, и с опаской взглянул на небо. Там продолжала висеть низкая черная туча, затянувшая все от края до края горизонта.

– На просторе опасно, – заметил Баюн.

– Везде опасно. Кто не рискует, тот лох.

А вот Владика было не до каких-то гипотетических рисков. Если в лесу ветер практически не ощущался, то стоило выйти на простор, как первый же его порыв проморозил бедолагу до костного мозга. Программист обхватил себя руками, и с ужасом прикинул ширину прогалины. К тому времени, когда они пересекут ее, он уже успеет благополучно окоченеть.

Идти по открытой местности было легко и приятно. Цент быстро согрелся, даже стащил с плеч куртку Владика – так ему стало тепло. Промерзший до костей программист с завистью косился на него, и громко лязгал зубами. Ледяной ветер обжигал ему лицо и ладони, весело заскакивал под сырую футболку и люто кусал грязное костлявое туловище. Ног Владик не чувствовал, пальцев рук тоже. Все шло к гипотермии, и программист, доведенный до отчаяния, зарыдал в голос.

Его стенания привлекли внимание Баюна. Повернув голову, тот с удивлением спросил:

– О чем тужишь, меньшей витязь?

– Я замерзаю! – надрывно закричал Владик, тщетно пытаясь донести до своих бездушных спутников, что он тоже человек и тоже хочет жить.

– Правда? – изумился Цент, соизволив обратить внимание на посиневшего Владика. – Что же ты молчал? Ну-ка пошел бегом вон до того дерева.

– Что? – выдохнул Владик, не веря своим ушам.

– Я сказал – бегом вон к тому дереву. И обратно. Если не успеешь, пока я досчитаю до ста, пойдешь дальше голым. Здесь стесняться некого, компания у нас мужская. Закалишься докрасна.

В былые времена Владик бы еще долго изображал недоумение, задавал глупые вопросы, пытался понять, всерьез говорит собеседник, или демонстрирует извращенное чувство юмора, но опыт общения с Центом многому его научил. Владик знал – Цент не шутит. С этого изверга станется принудить его к эвтаназии через нудизм. Здесь и сейчас не времена порядка и стабильности, и на Цента управы нет. Это в прекрасном прошлом можно было в полицию пожаловаться, а тут абсолютная анархия, каждый сам за себя, у кого топор, тот и прав. У Цента топор был. И он лишь чудом до сих пор не применил его в отношении нелюбимого спутника.

Владик бросился к цели с такой скоростью, какую только позволяли развить слабосильные ноги. Дерево, на которое указал Цент, находилось от них метрах в трехстах, одиноко высясь в центре огромной лесной проплешины. Владик прекрасно понимал, что не уложится в заданный норматив, но все равно мчался изо всех сил. Он знал, что Цент внимательно следит за ним, и если проклятому уголовнику покажется, что спринтер выкладывается не на все сто процентов, могут последовать суровые санкции.

– Пятьдесят два! – громко крикнул Цент за его спиной.

У Владика чуть ноги не подкосились, когда он это услышал. Сам он тоже считал про себя, и насчитал лишь семнадцать. Мало того, что Цент задал ему непосильную задачу, так он еще и жульничал, лишая свою жертву даже призрачного шанса на победу.

– Семьдесят три, – продолжал считать Цент. – Семьдесят девять. Восемьдесят пять. Ой, очкарик, не успеваешь. Не хочешь бегать, придется закаляться. Я из тебя такого моржа сделаю, что будешь голый в снегу спать, и не чихнешь. Только попробуй чихнуть! Девяносто три!

Владик уже давно согрелся и перегрелся, а до дерева было еще очень далеко. Ноги подкашивались, грозясь опрокинуть хозяина на землю и дать Центу дополнительный повод для репрессий. Отсчет больше не звучал, из чего Владик заключил, что он выбыл из борьбы за призовые места, и теперь ему предстоит пройти процедуру закалки под руководством безжалостного тренера. В прошлом Цент уже пытался подготовить его к суровым условиям выживания в экстремальных условиях, обучал рукопашному бою, прививал физическую силу и выносливость. От этих непродолжительных занятий Владик чуть богу душу не отдал, но сильнее, быстрее или опаснее не сделался. Что же с ним будет, когда Цент начнет превращать его в моржа? Скорее всего, с ним будет мучительная смерть с предварительной агонией.

Владик так отдался переживаниям по поводу ближайшего будущего, что чуть не взвизгнул от испуга, когда мимо него на всех парах пронесся Цент. Тренер явно решил продемонстрировать юниору мастер-класс – рэкетир мчался вперед как олень, высоко запрокинув голову и выпятив могучую грудь. Ветер трепал его отросшие за время странствий волосы, колыхал густую черную бороду. В одной руке Цент держал куртку Владика, во второй топор. Мимо Владика он пролетел как метеор, едва не свалив того с ног мощной воздушной волной. Бежал рэкетир к дереву, тому самому, что поставил целью для подопечного, и бежал так, будто там его ждал полный мангал шашлыка, ящик водки и три путаны.

Вначале растерявшийся Владик решил, что Цент придумал очередной способ доконать его, с целью чего мчится к одинокому дереву. Но эта версия показалась неубедительной. Для того чтобы поиздеваться над беспомощным программистом Центу вовсе не требовалось совершать спортивные подвиги, к тому же бегать он не любил, о чем сам неоднократно заявлял. Он бы мог заставить Владика везти его к дереву на себе верхом – вот это было больше в духе Цента, чем самоотверженные забеги на большие дистанции.

Не успел Владик переварить экстравагантное поведение изверга, как мимо него, шумно дыша, пронесся Баюн. Кот мчался как ветер, прижав уши к голове и вытянув стрелой длинный пушистый хвост. Бежал он в том же направлении, что и Цент.

Тем временем изверг и не думал останавливаться, наоборот, еще поддал ходу. В какой-то момент он грязно матюгнулся, бросил на землю куртку Владика и понесся вперед налегке. Кот поравнялся с ним, и теперь они бежали рядом.

Владик стало дурно. Он уже как-то привык к Центу садисту, извергу, палачу, скотине бездушной, но при всех своих недостатках бывший рэкетир никогда не демонстрировал тревожных признаков умственного помешательства. Все свои издевательства над беззащитным Владиком он творил в здравом уме и твердой памяти, прекрасно отдавая себе отчет в своих действиях, а если кто и впадал в состояние аффекта, так это несчастный программист. Так что же могло подвигнуть этого, прежде разумного, человека пуститься бежать неизвестно куда? Неужели он услышал вечный зов? А что насчет кота? Этого-то куда понесло?

Владик сам не понял, какое шестое чувство заставило его обернуться. Возможно, это был сигнал от ангела-хранителя, или животный инстинкт самосохранения, но именно это и спасло его от страшной смерти. Потому что, обернувшись, Владик увидел такое, что его трусливое заячье сердечко едва не вырвалось наружу, не дойдя до пяток примерно сантиметров семидесяти пяти.

По голой земле пустыря, бесшумно, будто в страшном сне, прямо на него катилось нечто чудовищное. Повергнутый в ужас Владик не сразу опознал в лютом монстре обычного медведя. То есть, что значит, обычного? Обычных медведей Владик, за исключением одного душераздирающего эпизода, никогда не видел, даже в зоопарке до них не дошел, ибо был еще на подступах психологически травмирован ламой – та в него плюнула. Зато Владик наблюдал дан-

ных зверушек в американских фильмах про спецэффекты, и там мишки всегда выступали на стороне добра и справедливости, свободы и демократии, а также прочих ценностей цивилизованного мира. Более того, мишки из американского кино являлись лучшими друзьями детей, катали их на себе, спасали из разных неприятных ситуаций и вообще развлекали. Но глядя на приближающуюся к нему взъерошенную тварь, Владик сразу понял, что этот конкретный мишка любит человеческих детенышей только на ужин.

Поняв, что он обнаружен, медведь издал дикий рев. У Владика от этого рева случилась медвежья болезнь. Ноги подкосились, сознание приготовилось покинуть тело, но программист чуть ли не руками удержал его на месте. Крича от ужаса, он помчался следом за Центом и Баюном, прекрасно осознавая, что в этом забеге не будет бронзового призера. На спасительном пьедестале окажутся двое. А вот третьему не суждено будет достичь финиша, поскольку им отобедают.

Воздух с хрипом вырывался из легких, подкашивающиеся ноги с трудом держали тело на весу, перегруженные штаны тянули к земле. Владик несся как ветер, испущенный после трех тарелок горохового супа, но спины лидеров марафона маячили далеко впереди. Цент, большой не любитель бегать, в этот раз переступил через себя, и вспомнил молодость. Летел как птица, только большая и без крыльев. Назад он не оглядывался, боясь сбить темп. Владик поступал так же, но он прекрасно слышал топот тяжелых лап и голодное рычание хищника. Владик спиной ощущал на себе заинтересованный взгляд медвежьих глаз. Медведь хотел его точно так же, как Владик мог хотеть сочный гамбургер или вкусную пиццу.

Дерево, только что далекое и недостижимое, как-то резко приблизилось. Кот уже карабкался на его вершину, вонзая в кору мощные когти. Цент корячился следом, зажав секиру в зубах. Для своих лет рэкетир был в отличной форме, или просто помирать так сильно не хотелось. Взобравшись метра на четыре, Цент остановился, схватил топор в руку, и начал срубать нижние ветви, послужившие ему опорой при восхождении.

– Нет! – закричал Владик, мигом постигший коварный замысел своего недоброго спутника. Цент возжелал принести его в жертву медведю, тем самым отведя опасность от себя самого. Подобное поведение было вполне в духе Цента, то есть ничего другого от него и ждать не приходилось. Небесное оружие, острое, как бритва, легко сокрушало древесину. Вот, затрепав, вниз полетел первый сук, а Цент уже занялся вторым, время от времени поглядывая куда-то за спину бегущему Владиду. Программист знал, на кого смотрит Цент. На огромного мохнатого злого зверя, которого подлые вруны из Голливуда превратили в друга детей и защитника либеральных ценностей.

– Очкарик, здесь для тебя места нет! – зло закричал с дерева Цент, видя набегающего Владика. – Катись отсюда!

Владик подлетел к дереву, на которое в обычной ситуации не влез бы и с альпинистским снаряжением, и в мановение ока оказался метрах в трех от земли. Тут дорогу к спасительной вершине ему преградил Цент. Замахнувшись секирой, он люто рывкнул:

– Занято!

Снизу прозвучал рев такой силы, что Владик едва не полетел прямо в лапы к медведю. Глаза Цента, глядящие куда-то мимо программиста, полезли на лоб. Потеряв к Владиду всяческий интерес, Цент белкой взметнулся вверх по стволу. Владик, одолеваемый недобрыми предчувствиями, бросил взгляд вниз.

Медведь лез на дерево. Обхватив могучими лапами толстый ствол, топтыгин упорно карабкался вверх, к еде. Прежде Владик даже не подозревал, что медведи умеют лазать по деревьям, думал, что те только по земле ходят и в берлогах спят.

Подвывая от ужаса, Владик устремился вверх, карабаясь с ловкостью обезьяны, хотя прежде всегда отличался неуклюжестью. За долю секунды он очутился на одном уровне с Цен-

том и Баюном. Отягощенная тремя телами вершинка начала опасно раскачиваться, тонкие ветви страдальчески потрескивали, не желая держать на себе белочек-переростков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.